

Библейско-богословское изслѣдованіе“. С. - Петербургъ, 1897 г., представленномъ на соисканіе ученой степени доктора богословія:

а) сверхштатнаго преподавателя естественно-научной апологетики профессора Димитрія *Голубинскаго*:

„Задачу сего труда г. Глубоковскаго составляетъ научное изслѣдованіе, разъясненіе и доказательстватой истины, которую Святый Апостоль Павелъ выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „возвѣщаю вамъ, братія, что евангеліе, которое я благовѣствовалъ, не есть человѣческое; ибо я принялъ его и научился не отъ человѣка, но чрезъ откровеніе Іисуса Христа“ (Гал. 1, 11. 12). По справедливости сіи слова Апостола поставлены на заглавномъ листѣ труда г. Глубоковскаго. Самое избраніе сего предмета для изслѣдованія принадлежитъ къ достоинствамъ труда. Путь, принятый г. Глубоковскимъ въ его сочиненіи, есть по преимуществу путь полемическій. И это обстоятельство является естественнымъ по существу дѣла. Ибо многіе ученые запада, и даже тѣ, которые считаютъ себя представителями современной богословской науки, выражаютъ чрезвычайно странныя и превратныя мысли относительно обращенія Апостола Павла, его благовѣствованія и дѣятельности. А потому изобличеніе и опроверженіе ложныхъ взглядовъ, прикрывающихся именемъ науки, является весьма благопотребнымъ. Конечно, для христіанина искренно вѣрующаго приведенное свидѣтельство Апостола о его благовѣстіи несомнѣнно уже само по себѣ. Однако же торжество истины яснѣе открывается, когда видимъ, сколько запутываются во лжи и противорѣчійхъ люди, отрицающіе истину. По обстоятельности и силѣ въ разоблаченіи ложныхъ мнѣній, полного вниманія заслуживаетъ изслѣдованіе, составленное г. Глубоковскимъ.

Во введеніи (страницы I—XII) сначала онъ основательно раскрываетъ великое значеніе и важность разсматриваемаго имъ предмета, потомъ указываетъ на множество сюда относящихся сочиненій иностранныхъ ученыхъ и приводитъ разныя мнѣнія неправомыслящихъ, дабы вопреки имъ опредѣлить истинную точку зрѣнія. Сколь много труда и времени долженъ былъ употребить г. Глубоковскій для своего дѣла,—это видно уже изъ введенія: вмѣстѣ съ сямъ чита-

тель видить, что и отъ него потребуется напряженное вниманіе, чтобы прослѣдить дальнѣйшій ходъ разсматриванія предмета.

Далѣе слѣдуетъ первый трактатъ подъ названіемъ: „Обращеніе Савла“ и „Евангеліе“ Святаго Апостола Павла“. Этотъ обширный отдѣлъ занимаетъ безъ малаго половину всей книги (1—142).

Сначала авторъ указываетъ на тѣсную связь обращенія Савла съ его послѣдующимъ апостольскимъ благовѣстіемъ (стр. 1 и 2). Далѣе приводитъ гипотезы неправомыслящихъ, которые думаютъ объяснить сіе обращеніе естественными путями и отрицаютъ дѣйствительность явленія Господа Иисуса Христа Савлу,—явленія, которое столь ясно засвидѣтельствовано въ Писаніи. Потомъ авторъ справедливо указываетъ на то, къ какимъ гибельнымъ послѣдствіямъ приводятъ гипотезы отрицателей (стр. 2—10).

Такъ какъ неправомыслящіе для подтвержденія своихъ взглядовъ предполагаютъ, будто Савль въ эпоху гонительства уже колебался въ фарисейскихъ вѣрованіяхъ и склонился къ религіи христіанъ, то г. Глубоковскій въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи весьма подробно разбираетъ съ разныхъ сторонъ таковыя предположенія и вмѣстѣ раскрываетъ крайнюю несостоятельность ихъ.

Во-первыхъ, на прямое противорѣчіе ихъ какъ словамъ книги Дѣяній, такъ и словамъ самого Апостола Павла, находится много указаній въ разныхъ мѣстахъ изслѣдованія. Далѣе, подробно объясняются различные пункты ученія фарисеевъ, особенно же ихъ ученіе о Мессіи, указываются причины вражды ихъ противъ христіанъ и такимъ образомъ раскрывается полная невозможность предполагаемаго неправомыслящими тяготѣнія Савла къ христіанству. Потомъ доказывается, что и психологически совершенно необъяснимо, происшедшее будто-бы естественнымъ путемъ, перерожденіе гонителя въ христіанина столь ревностнаго. Наконецъ, изъ тщательнаго разбора словъ Апостола Павла до очевидности открывается, что его обращеніе было дѣломъ сверхъестественнымъ.

Въ трудѣ г. Глубоковскаго разборъ и опроверженіе ложныхъ мнѣній отличается силою и убѣдительностію. Замѣчательна по мѣстамъ и находчивость автора. Такъ, изъ раз-

бора словъ: „*трудно тебѣ идти противъ рожна* (Дѣян. 9, 5) выводится необходимость допустить виѣшнее дѣйствіе на Савла (стр. 55 и 56). А въ другомъ мѣстѣ гипотезы отрицателей справедливо приравниваются къ тѣмъ неосновательнымъ приѣмамъ, какіе встрѣчаются и у дарвинистовъ (стр. 91—92).

Но одна полемика утомительна. Можетъ быть, это замѣчалъ и самъ г. Глубоковскій, и вотъ мы находимъ въ его трудѣ такія мѣста, въ которыхъ, при тѣсной связи съ ходомъ его разсужденій, объясняются слова Священнаго Писанія, а вмѣстѣ съ симъ раскрываются, и притомъ въ строго православномъ духѣ, положительныя истины религіи. Въ семъ отношеніи особенно замѣчательны изслѣдованія о связи Вѣтхаго и Новаго Завѣта (стр. 128—141).

Такимъ образомъ, разсмотрѣнный отдѣлъ по содержанію достоинъ полнаго одобренія. Онъ приводитъ къ тому несомнѣнному слѣдствію, что какъ обращеніе Савла къ христіанству было сверхъестественнымъ дѣломъ благодати Божіей, такъ и благовѣстіе Апостола Павла есть *слово Божіе* (1 Тим. 2, 13).

Но при семъ, сожалѣнія достойнымъ является то обстоятельство, что въ трудѣ г. Глубоковскаго изложеніе не вполне соответствуетъ содержанію. Здѣсь достаточно указать на слѣдующее: изображенія прежняго состоявія Савла отличаются живостію, а по мѣстамъ даже картинностію, но съ другой стороны допускаются многія неосторожныя выраженія. Такъ, къ нему прилагаются названія свирѣпаго зилота (стр. 1) и др. под. Конечно, и самъ Ап. Павелъ, со скорбію вспоминая о своемъ прежнемъ состояніи, говоритъ, что онъ *прежде былъ хулителъ и гонителъ и обидчикъ* (1 Тим. 1 13); однако же мы, когда разсуждаемъ объ этомъ, обязаны выражаться осторожно. Сверхъ того, къ христіанству прилагаются выраженія: злая, дерзкая ересь (стр. 6 и 60) и подобныя; по смыслу понятно, что это говорится отъ лица гонителя Савла; однакоже при семъ необходимы были точныя оговорки. Но, при недостаткѣ ихъ, подобныя указаннымъ обороты рѣчи на читателей не совсѣмъ внимательныхъ производятъ весьма непріятное дѣйствіе, особенно же когда встрѣчаются въ столь основательномъ ученномъ трудѣ.

Потомъ слѣдуетъ второй трактатъ, состоящій изъ трехъ главъ.

Первая глава (стр. 146—182) имѣетъ слѣдующее названіе: „Иудейско-раввинистическое образованіе Савла и значеніе этого вопроса для сужденія о „евангеліи“ Святаго Апостола Павла“. Эта глава составлена весьма тщательно; приведенныя въ ней доказательства достовѣрности повѣствуемаго въ книгѣ Дѣяній отличаются твердостью. Много здѣсь находится свѣдѣній о Гамалиилѣ (стр. 156—180). Взглядъ на него представляетъ замѣчательныя особенности. Можетъ быть, нѣкоторые читатели не согласятся со взглядомъ автора и даже замѣтятъ, что слова Гамалиила: *если сіе предприятие и сіе дѣло отъ человѣковъ, то оно разрушится; а если отъ Бога, то вы не можете разрушить его* (Дѣян. 5, (38. 39),—объясняются не такъ удобно, какъ при другихъ взглядахъ. Однакоже этого не должно ставить въ упрекъ автору: ибо сказанное имъ подтверждается у него убѣдительными доводами.

Во второй главѣ (стр. 183—232) разсматривается „экзегетическій методъ Святаго Апостола Павла“. Въ сей главѣ особенно дороги частныя примѣры толкованій, относящихся къ Вѣтхому Завету, какія находятся въ посланіяхъ Апостола Павла (стр. 190—221). При семъ полнаго вниманія заслуживаетъ предлагаемое авторомъ (стр. 195—198) объясненіе одного изъ трудныхъ мѣстъ, именно: *посредникъ при одномъ не бываетъ: а Богъ одинъ* (Галат. 3, 20).

Третья глава (стр. 233—278) называется такъ: „ученіе Святаго Апостола Павла о предсуществованіи Мессіи Христа въ его отношеніи къ іудейско - раввинскимъ понятіямъ“. Должно замѣтить, что это названіе не совсѣмъ удачно и подаетъ поводы къ недоумѣніямъ. Однако же послѣ внимательнаго чтенія сей главы ясно открывается, сколько неразумны и безсильны попытки неправомыслящихъ навязать Апостолу Павлу іудейскія воззрѣнія, и, напротивъ, сколь возвышенно ученіе Апостола о Господѣ нашемъ Исусѣ Христѣ.

Но это ученіе находится въ полномъ согласіи съ ученіемъ другихъ апостоловъ; ибо его источникъ заключается въ общемъ для нихъ Божественномъ озареніи, какъ сказано о семъ и въ заключеніи книги (стр. 284—289).

Къ представленному здѣсь краткому обзору изслѣдованія, составленнаго г. Глубоковскимъ, должно присоединить слѣдующія замѣчанія:

Особеннаго одобренія заслуживаютъ: выборъ предмета, обширность и громадность труда, тщательный разборъ трудовъ иностранныхъ ученыхъ, здравое критическое отношеніе къ нимъ, искусство и сила въ разоблаченіи и опроверженіи той лжи, какаѣ встрѣчается у отрицателей и неправомыслящихъ, стараніе о томъ, чтобы отыскать твердыя основанія для выводовъ, осмотрительность въ нихъ, осторожность въ изясненіи мѣстъ Священнаго Писанія и, наконецъ, строго православное направленіе, замѣчаемое во всей книгѣ. Таковы достоинства труда г. Глубоковского по содержанію. Что же касается до недостатковъ, то довольно будетъ указать здѣсь только на нѣкоторыя подробности, кажущіяся излишними, въ приведеніи мнѣній какъ враждующихъ противъ христіанства іудеевъ, такъ и неправомыслящихъ ученыхъ запада.

Относительно же изложенія снова приходится повторить, что оно не вполне соотвѣтствуетъ содержанію. Вообще изложеніе довольно трудно, книга читается не легко, она требуетъ напряженнаго вниманія. Иногда неясно означены переходы отъ сужденій автора къ мнѣніямъ неправомыслящихъ. Желательна и большая раздѣльность, чтобы яснѣе было видно, гдѣ оканчивается разсужденіе объ одномъ предметѣ, и начинается о другомъ. По мѣстамъ замѣчается лишняя искусственность въ выраженіи того, что можно было-бы выразить просто. Однако-же подобнаго рода недостатки въ значительной степени оправдываются самымъ свойствомъ предмета и способомъ изслѣдованія.

По гораздо труднѣе оправдать недостатки осмотрительности въ выраженіяхъ и языкѣ. Встрѣчаются мѣста, въ которыхъ выраженія удивляютъ своею странностію, а между тѣмъ дѣло объясняется желаніемъ автора сильнѣе выразить мысль и умолчаніемъ о томъ, что рѣчь идетъ не отъ его лица, а отъ другого. Далѣе, слова взятая изъ обыденной мірской жизни прилагаются къ понятіямъ о высокихъ предметахъ; такъ на примѣръ слова: „роль“ и „сцена“ приводятся иногда неумѣстно (стр. 197, 227 и 249). Много встрѣчается выраженій и словъ неупотреб-

тельныхъ и иностранныхъ. Таковы: „подрѣжемъ авторитетъ“ (стр. 10), „импонировать“ (стр. 22). „имманенція“ (стр. 28), „кардинальный“ (стр. 50 и 275) вмѣсто „главный“, „конфликтъ“, „корректность“ (стр. 75), „сагальность“ (стр. 191), „огульный“ (стр. 199) и другія.

Такимъ образомъ, совершенно естественнымъ является желаніе, чтобы, при послѣдующихъ изданіяхъ столь основательной по содержанію книги, внесены были въ нее поправки по изложенію.

Однако же и въ настоящемъ ея видѣ о ней должно сказать слѣдующее:

Достоинства ея по содержанію столь велики, что ими съ избыткомъ покрываются недостатки по изложенію. А по сему г. Глубоковскій за сей трудъ по справедливости долженъ быть удостоенъ степени доктора богословія“.

б) Ординарнаго профессора по кафедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта Митрофана *Муретова*:

„Трудъ проф. Н. Глубоковскаго содержитъ: А) краткое *введеніе* (стр. I—XII), гдѣ въ общихъ чертахъ описывается положеніе вопроса о благовѣстіи Св. Ап. Павла въ современной западно-европейской богословской наукѣ и въ виду этого положенія опредѣляется надобность новаго переизслѣдованія предмета, каковое и беретъ на себя авторъ въ своемъ трудѣ;—Б) *два трактата* самаго изслѣдованія предмета, изъ коихъ: 1) *трактатъ первый* (стр. 1—142) посвященъ подробному опроверженію рационалистической теоріи естественнаго обращенія Ап. Павла изъ іудейства въ христіанство и доказательству сверхъестественнаго характера этого обращенія, откуда дѣлается выводъ, что и благовѣстіе Апостола имѣетъ не естественно-историческое происхожденіе, но сверхъестественный источникъ и божественное достоинство; а 2) *трактатъ второй*, кромѣ краткихъ предварительныхъ замѣчаній о связи вопроса объ обращеніи Савла съ пониманіемъ евангелія Св. Ап. Павла (стр. 143—145), состоитъ изъ *трехъ главъ*: а) *въ первой главѣ* (стр. 146—182), съ особенною подробностію опровергнувъ попытки заподозрить извѣстіе книги Дѣяній Апостольскихъ объ обученіи Ап. Павла у Гамаліила, авторъ дѣлаетъ выводъ, что благовѣстіе Ап. Павла не могло возникнуть путемъ естественнаго развитія изъ тѣхъ началъ,

кои усвоены были Савломъ въ іудейско-раввинской школѣ б) *во второй* (стр. 183—232) опровергается мысль, что Апостоль могъ развить свое ученіе изъ Ветхозавѣтной Библии и тогдашней синагогальной теологіи путемъ школьнаго іудейско-раввинскаго экзегетическаго метода Ап. Павла отъ раввинскаго, истинность перваго и ложность послѣдняго; в) *въ третьей главѣ* (стр. 233—278) путемъ раскрытія глубокаго различія между ученіемъ Апостола и іудейско-раввинскою теологіею утверждается несостоятельность той мысли, что Св. Ап. Павелъ свою христологію или ученіе о личномъ и вѣчномъ предсуществованіи Мессіи—Христа, могъ заимствовать изъ идей іудейско-раввинской теологіи и доказывается, что единственнымъ источникомъ Апостольской христологіи могло служить только божественное озареніе и откровеніе Самого Христа Спасителя. В) Наконецъ, въ краткомъ *заключеніи* (стр. 279—289) авторъ обобщаетъ выводы свосго изслѣдованія, выражая ихъ въ концѣ книги словами самого Апостола,—что его „*благовѣствованіе нѣсть по чловѣкѣ... по явленіемъ Исусъ Христовымъ*“ (Гал. 1, 11—12).

Первымъ недостаткомъ разсматриваемаго труда, какъ это видно уже изъ даннаго краткаго очерка его содержанія, служить то, что онъ *не представляетъ совершенно законченнаго, систематически-цѣлостнаго и всестороннеполнаго изслѣдованія темы* (ученіе или благовѣстіе Ап. Павла по его происхожденію и существу), по касается только нѣкоторыхъ частныхъ сторонъ предмета, „далеко, какъ сознается и самъ авторъ на стр. 279, *еще не заканчивая задачи историко-генетическаго разсмотрѣнія богословія Павлова даже и со стороны его отношенія къ іудейско-раввинской теологіи*“. Посему на книгу автора мы должны смотрѣть лишь какъ на начальный выпускъ огромнаго груды, предполагающаго еще не малое количество подобныхъ же дальнѣйшихъ выусковъ, гдѣ все благовѣстіе Св. Апостола Павла должно получить систематически-цѣлостное и научно-всестороннее освѣщеніе, какъ по его существу, такъ и по его происхожденію и отношенію къ іудейско-раввинскому богословію. Но въ полное оправданіе этого недостатка должно, во 1-хъ, указать на то, что авторъ взялъ для изслѣдованія одну изъ первыхъ

и главнѣйшихъ сторонъ благовѣстія Св. Ап. Павла, въ коей одной уже съ непрекаемою достовѣрностію открывается и утверждается сверхъестественное происхождение и божественное достоинство сего благовѣстія. Надо, во 2-хъ, имѣть въ виду также и то, что вполне законченное и всестороннее изслѣдованіе благовѣстія Св. Ап. Павла въ той научно-широкой постановкѣ, какую далъ предмету авторъ въ своемъ трудѣ, требуетъ многолѣтнихъ работъ, если не цѣлой жизни трудолюбиваго ученаго, — чего мы не вправѣ, конечно, требовать отъ докторской диссертациі нашего автора, представляющей еще только начало дѣятельности молодого ученаго, а не заключеніе ея. Но если книгу проф. Глубоковского разсматривать съ этой стороны, то она представляетъ такое начало ученой дѣятельности молодого богослова, которое общаетъ русской богословской наукѣ вполне блестящее ея продолженіе и заключеніе.

Вторымъ недостаткомъ труда проф. Глубоковского, какъ это видно также изъ даннаго очерка содержанія его, можно признать его *полемико-гипотетическій характеръ*. Какъ общая постановка вопросовъ, такъ и частныя изслѣдованія относящихся къ нимъ датъ, въ книгѣ проф. Глубоковского обуславливаются воззрѣніями и изслѣдованіями ученыхъ рраціоналистическаго направленія, основывающихся на извѣстныхъ историко-психологическихъ возможностяхъ и предположеніяхъ, коимъ нашъ авторъ, раскрывая ихъ внутреннія противорѣчія и невѣроятности, противопоставляетъ другія возможности и предположенія, устраняющія гипотезы рраціоналистическія и объясняющія дѣло въ духѣ христіанскаго правовѣрія. Примѣръ: ученые рраціоналистическаго направленія, стараясь естественнымъ образомъ объяснить обращеніе Савла изъ іудейства въ христіанство и развитіе его ученія на почвѣ іудейско-раввинскаго богословія, привлекаютъ даты многихъ такихъ литературныхъ іудейскихъ памятниковъ, коихъ историческая значимость точно еще не опредѣлена въ наукѣ и потому ихъ употребленіе, въ какомъ бы-то ни было объемѣ, для эпохи Апостола Павла берется *только предположительно*. Въ опроверженіе этихъ ученыхъ и нашъ авторъ пользуется тѣми же источниками, предположительно усвоивъ имъ научную доказательность въ ррѣшеніи вопроса о происхожденіи и содержаніи ученія Ап.

Павла, безъ научно-критической оцѣнки этихъ источниковъ. Но вина за это падаетъ не на нашего автора, а на его противниковъ, на которыхъ, конечно, и должно лежать *onus probandi* по отношенію къ привлекаемымъ ими датамъ для рационалистическихъ теорій. Такая постановка дѣла въ современной западно-европейской наукѣ вынуждала и нашего автора становиться на одну почву съ своими противниками и бороться однимъ съ ними оружіемъ, волей-неволей заставляя его дать своему труду характеръ полемико-гипотетическій. Иначе авторъ оставилъ бы совершенно беззащитными отъ нападеній мнимо-научнаго отрицанія тѣхъ многочисленныхъ чадъ Церкви православной, кои по неопытности и неразумію своему способны влаться всякими вѣтрами заграничныхъ ученій. При томъ нашъ авторъ стоитъ въ этомъ дѣлѣ отнюдь не одиноко, но слѣдуетъ примѣру Св. Апостоловъ, особенно Павла, Св. Отцевъ, учителей и ученыхъ—древнихъ и новыхъ—православной Церкви, кои никогда не избѣгали полемики съ иномысліемъ, находя въ ней одно изъ дѣйственныхъ орудій противъ вѣшій духа антихристовъ.

Третьимъ недостаткомъ труда проф. Глубоковскаго должно признать то, что, вслѣдъ за своими противниками привлекая многочисленныя и разнообразныя даты іудейскихъ литературныхъ памятниковъ для сужденія объ іудейско-раввинскомъ богословіи эпохи Ап. Павла, авторъ *пользуется ими не въ первоисточникахъ, а въ переводахъ, извлеченіяхъ, сокращеніяхъ и перифразахъ* разныхъ спеціальныхъ обработокъ, такимъ образомъ беретъ ихъ уже изъ вторыхъ-третьихъ рукъ. Съ чисто научной точки зрѣнія такое пользованіе датами первостепенной важности должно признать, конечно, недостаткомъ весьма существеннымъ. Но въ данномъ случаѣ, для задачи автора, это *худо* не лишено и *добра*, сообщая разсужденіямъ автора больше безпристрастія и доказательности. Если бы авторъ приводилъ, нерѣдко очень невразумительныя и весьма темныя, изреченія іудейскихъ первоисточниковъ въ своемъ собственномъ переводѣ, то у читателя, конечно, могло бы легко возникнуть подозрѣніе не только въ правильности, но и въ безпристрастіи перевода, при полемической задачѣ труда автора. Теперь же, приводя даты по переводамъ и толко-

ваніямъ компетентныхъ гебраистовъ, нашъ авторъ тѣмъ самымъ какъ бы выставляетъ за себя постороннихъ и безпристрастныхъ свидѣтелей, отстраняя отъ себя всякую тѣнь подозрѣнія, по крайней мѣрѣ, въ тенденціозномъ употребленіи этихъ датъ въ свою пользу.

Четвертымъ недостаткомъ книги проф. Глубоковскаго можно признать нѣкоторыя излишества въ употребленіи иностранныхъ терминовъ, кои могли бы быть замѣнены русскими словами, — преувеличенныя или неумѣренныя выраженія мыслей и т. под. Въ извиненіе автора надо указать на то, что недостатокъ этотъ въ психологическую необходимость могъ быть навѣянъ слишкомъ усиленнымъ напряженіемъ вниманія при поразительно прилежномъ изученіи огромнаго количества иностранныхъ книгъ на разныхъ языкахъ по данному вопросу, и притомъ въ сравнительно краткій срокъ (съ 5 октября 1895 г. до 31 января 1897 г., какъ помѣчено въ концѣ книги, слѣдовательно въ теченіи только 14 мѣсяцъ въ). Во всякомъ случаѣ это — недостатокъ частный, несущественный и не научный, зависящій отъ условной точки зрѣнія на степень популярности ученыхъ богословскихъ диссертаций.

Но рядомъ съ указанными недостатками трудъ проф. Н. Глубоковскаго обладаетъ и многими достоинствами, изъ коихъ укажемъ только наиболѣе важныя:

1) Прежде всего заслуживаетъ полнаго одобренія самый *предметъ труда*. Авторъ взялъ для своей диссертации не какую либо историко-археологическую и для богословія безразличную частность изъ прикладныхъ и вспомогательныхъ наукъ академическихъ, — не явное или замаскированное перифразомъ изданіе какихъ либо памятниковъ, — или другую какую изъ подобныхъ, болѣе легкихъ для выполненія и практически болѣе благодарныхъ, темъ: но вошелъ, такъ сказать, въ самое святое святыхъ храма академическихъ наукъ, избравъ одинъ изъ предметовъ, наименѣе существенныхъ не только въ теоретическомъ православномъ богословіи, но и въ кругѣ церковно-историческихъ наукъ. Служа общимъ и систематическимъ толкованіемъ въ посланіяхъ Св. Ап. Павла, „въ коихъ“, по слову Св. Ап. Петра, „естъ ничто неудобовразумительное, что не въжды и неутвержденныя, къ собственной своей гибели, превращаютъ,

какъ и прочія писанія“ (2 Петр. 3, 15—16), — научно-систематическое изслѣдованіе ученія Св. Ап. Павла бросаетъ свѣтъ и на все новозавѣтное, а слѣдовательно и на все православно-христіанское вѣро и-нравоученіе, какъ и на историческое движеніе и содержаніе богословскихъ идей въ эпоху первохристіанства.

2) Предназначаясь *только для людей науки*, изслѣдованіе проф. Глубоковского, исключая вышеуказанные частные случаи, написано языкомъ сжатымъ, по мѣстамъ сильнымъ и выразительнымъ, для знатоковъ дѣла вполнѣ точнымъ и удобопонятнымъ, чуждымъ той досадной растянутости, какою нерѣдко огличаются диссертации, претендующія на популярность. Благодаря этому качеству своему, трудъ автора вмѣщается въ книгѣ, имѣющей объемъ вдвое или втрое меньшій противъ того, до какого онъ могъ бы возрасти при растянута популярномъ изложеніи.

3) Въ тѣхъ случаяхъ, когда вопреки раціоналистическимъ богословамъ авторъ для возстановленія или уясненія подлиннаго смысла благовѣстія Павлова долженъ былъ обращаться къ толкованію разныхъ мѣстъ посланій Апостола, эти толкованія, особенно на нѣкоторыя мѣста изъ посланій къ Галатамъ и Римлянамъ, отличаются тонкостію критико-экзегетическаго анализа и глубиною богословской мысли. Даже иногда и тамъ, гдѣ въ доказательство раскрываемой мысли авторомъ приводятся тѣ или другіе тексты безъ толкованія ихъ, — ясно, что за этими цитатами стоятъ у автора обширныя критико-экзегетическія изслѣдованія и частныя справки, оставшіяся ненапечатанными, хотя бы подъ чертою, только потому, что это свело бы автора съ дороги систематическаго изложенія ученія Ап. Павла и завело бы его въ область спеціальнаго экзегеса.

4) Въ опроверженіи раціоналистическихъ теорій и въ защитѣ принциповъ православнаго пониманія ученія Апостола авторъ стоитъ на твердой почвѣ безпристрастности, основательности и правовѣрія.

5) Но главнѣйшимъ и въ чисто научномъ отношеніи весьма существеннымъ достоинствомъ труда проф. Глубоковского служитъ обширное, свидѣтельствующее о чрезвычайномъ трудолюбіи, изученіе (кромѣ русскихъ переводныхъ изданій) громадиѣйшей иностранной литературы по данному

предмету — нѣмецкой, англійской и французской. Безъ опасности преувеличенія можно сказать, что книга автора, по содержащимся въ ней предметамъ, представляетъ такую полную энциклопедію новѣйшей литературы, какой доселѣ не имѣетъ ни одна изъ западно-европейскихъ богословскихъ литературъ. Въ этомъ отношеніи трудъ автора, въ его законченномъ видѣ, можно будетъ сравнить развѣ только съ извѣстнымъ энциклопедическимъ трудомъ Кейма по евангельской исторіи, какимъ сей трудъ былъ въ западной богословской литературѣ для своего времени.

Итакъ, принимая во вниманіе, съ одной стороны, неизбежность однихъ и полную извинительность и даже условность другихъ изъ недостатковъ труда проф. Глубоковскаго, а съ другой—вышеуказанныя, наиболѣе общія и главнѣйшія, достоинства сего труда,—а также въ виду того, что молодой богословъ уже снискалъ себѣ почтенную извѣстность другими немалочисленными работами своими: полагаю должнымъ признать проф. Н. Глубоковскаго вполнѣ достойнымъ степени доктора богословія“.

Справка: 1) По § 142 устава духовныхъ академій: „Степени доктора богословія, равно какъ церковной исторіи и церковнаго права, удостоиваются магистры богословія безъ устнаго испытанія по представленіи напечатанной диссертации или сочиненія, хотя бы и написаннаго не съ цѣлію получения ученой степени“. 2) По § 81 лит. в п. 6 того же устава „удостоеніе степени доктора“ значитъ въ числѣ дѣлъ Совѣта академіи, представляемыхъ, чрезъ Епархіальнаго Преосвященнаго, на утвержденіе Св. Синода.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи экстраординарнаго профессора С. Петербургской Духовной Академіи по кафедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта, магистра богословія, Николая Глубоковскаго въ степени доктора богословія. 2) Представить Его Высокопреосвященству и въ Святѣйшій Синодъ по экземпляру диссертации профессора Глубоковскаго и копіи съ отзывовъ о ней профессоровъ Димитрія Голубинскаго и Митрофана Муретова.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „Дек. 14. Согласенъ съ опредѣленіемъ Совѣта“.

19 декабря 1897 года.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ ректора академіи архимандрита Лаврентія, инспекторъ академіи и. д. ординарнаго профессора архимандритъ Арсеній и члены Совѣта академіи, кромѣ профессоровъ: В. Ключевского, И. Корсунскаго, А. Голубцова, не присутствовавшихъ по болѣзни, и А. Введенскаго, находящагося въ заграничной командировкѣ.

Слушали: Отзывы о сочиненіи экстраординарнаго профессора академіи по кафедрѣ греческаго языка и его словесности, магистра богословія, Ивана *Корсунскаго* подъ заглавіемъ: „Переводъ LXX. Его значеніе въ исторіи греческаго языка и его словесности“. Свято-Троицкая Сергіева Лавра, 1898 г., представленномъ на соисканіе ученой степени доктора богословія:

а) ординарнаго профессора по кафедрѣ русскаго и церковно-славянскаго языковъ (съ палеографіей) и исторіи русской литературы Григорія *Воскресенскаго*:

„Настоящее изслѣдованіе проф. Корсунскаго задумано имъ, какъ говоритъ самъ авторъ въ предисловіи, назадъ тому 15 лѣтъ, когда вышла въ свѣтъ его магистерская диссертация: „Иудейское толкованіе Вѣтхаго Завѣта“ (М. 1882). Въ числѣ источниковъ іудейскаго толкованія Вѣтхаго Завѣта—говоритъ авторъ—весьма видное мѣсто занимаетъ переводъ LXX. вмѣстѣ съ тѣмъ и на 3000-лѣтнемъ пространствѣ исторіи греческаго языка и его словесности переводъ LXX представляетъ собою такую точку отправленія для многочисленныхъ памятниковъ сего языка съ его литературою, которая не можетъ не обращать на себя вниманія всякаго хотя сколько нибудь—серьезно относящагося къ этому предмету, какъ предмету науки. Намъ всегда казалось, что изслѣдованія, разсматривающія въ области этого предмета, ветхозавѣтную и новозавѣтную, неканоническую и апокрифическую литературу, новозавѣтныя священныя писанія, святоотеческія творенія, богослужебную литературу греко-восточной церкви и вообще византійскую, особенно богословскую въ обширномъ смыслѣ этого слова, начинаютъ свое дѣло не съ корня, какъ бы слѣдовало, а съ вѣтвей и отростковъ великаго дерева греческой церков-

ной письменности. Корень же этотъ заключаетъ не въ иномъ чемъ, какъ именно въ переводѣ LXX-ти, начавшемъ собою новую эпоху и для словаря греческаго языка, дотолѣ цптавшагося соками исключительно языческой греческой письменности, и для самой словесности греческой. Вотъ почему задушевною мыслию нашею съ тѣхъ поръ стало изслѣдовать,—по мѣрѣ силъ нашихъ, эту еще необработанную у насъ въ Россіи научную почву, чтобы чрезъ то принести хотя малый вкладъ въ отечественную сокровищницу и богословской науки и науки греческаго языка и его словесности“ (Предисл. I, —II). Собственно говоря, печатные труды проф. П. Н. Корсунскаго, въ связи съ которыми стоитъ его настоящее изслѣдованіе, начали появляться ранѣе 1882 года. Рядъ относящихся сюда печатныхъ работъ его начинается помѣщенною въ Чтеніяхъ Общества любителей духовнаго просвѣщенія за 1897 г., сент., „Теорія аккомодациі въ отношеніи къ вопросу о новозавѣтномъ толкованіи Ветхаго Завѣта“. Затѣмъ слѣдуютъ — „Критическое разсмотрѣніе особенныхъ болѣе важныхъ случаевъ новозавѣтной цитациі (изъ Ветхаго Завѣта) и толкованія въ опроверженіе воззрѣній теоріи аккомодациі“ въ томъ же журналѣ за 1879 г. кн. 3, и рядъ статей, изъ которыхъ а) выработана была въ самостоятельную, весьма значительно расширенную по содержанію, книгу (магистерская диссертациія): „Иудейское толкованіе Ветхаго Завѣта“ и б) составилаь книга: „Новозавѣтное толкованіе Ветхаго Завѣта“, М. 1885 г. Имѣютъ въ нѣкоторыхъ своихъ отдѣлахъ болѣе или менѣе близкое соприкосновеніе съ настоящимъ трудомъ проф. Корсунскаго также его изслѣдованія о переводѣ Библіи на русскій языкъ, каковы: „О подвигахъ Филарета, Митрополита Московскаго, въ дѣлѣ перевода Библіи на русскій языкъ“, М. 1893; „Труды Московской духовной академіи по переводу Св. Писанія и твореній Св. Отцевъ на русскій языкъ за 75 лѣтъ ея существованія (1814—1889 г.)“ — въ прибавленіяхъ къ твореніямъ Св. Отцевъ—за 1889—1891 г.г.; „Памяти Святителя Филарета, Митрополита Московскаго. Къ исторіи редакціи русскаго перевода Св. Писанія“ — въ Душеполезномъ Чтеніи 1892—1894 г.г.; „Судьбы идеи о Богѣ въ исторіи религіозно-философскаго міросозерцанія древней Греціи“. Харьковъ, 1890; „Прео-

священнѣйшій Теофанъ, бывшій Владимірскій и Суздальскій“. М. 1895 г. и др.

Подлежащій нашему разсмотрѣнiю обширный (644 стр.) трудъ проф. Корсунскаго входитъ по своему предмету въ двѣ научныя области: Священнаго Писанiя Ветхаго Заветъ и греческаго языка и его словесности. Во введенiи (стр. 5—20) авторъ, указавъ въ краткихъ словахъ ва всемирное и жизненное значенiе греческаго перевода Ветхаго Заветъ, извѣстнаго подъ именемъ LXX толковниковъ, какъ перваго по времени общедоступнаго органа Божественнаго Откровенiя, доголѣ заключеннаго въ письма еврейскiя, становившiйся все болѣе и болѣе непонятными даже и для самого народа еврейскаго, намѣчаетъ главныя части своего изслѣдованiя и предлагаетъ критическое обзорѣние обширной литературы своего предмета, какъ иностранной, такъ и отечественной. Главною задачею своего труда авторъ ставитъ — съ подробною обстоятельностью и основательностью раскрыть значенiе перевода LXX въ исторiи греческаго языка и словесности греческой. Но такъ какъ для сего необходимо сдѣлать предварительное изслѣдованiе объ этомъ переводѣ самомъ въ себѣ, то все сочиненiе проф. Корсунскаго распадается на двѣ части: 1) на предварительную, — изслѣдованiе о переводѣ LXX толковниковъ и 2) главную, — раскрытiе значенiя этого перевода въ исторiи греческаго языка и греческой словесности (стр. 7). Въ краткомъ вступленiи къ первой части (стр. 23—27) авторъ намѣчаетъ планъ предстоящаго ему изслѣдованiя. Путеводною звѣздой для автора въ данномъ случаѣ служитъ отзывъ о переводѣ LXX пригнопамятнаго Святителя Филарета, Митрополита Московскаго, изложенный въ извѣстной запискѣ его „О догматическомъ достоинствѣ и охранительномъ употребленiи греческаго седмидесяти и славянскаго переводовъ Св. Писанiя“. М. 1858, причемъ попутно сообщаются интересныя свѣдѣнiя объ историческихъ обстоятельствахъ и условiяхъ, при коихъ составлена эта записка. Соответственно выведеннымъ изъ словъ записки Митрополита Филарета шести пунктамъ изслѣдованiя о переводѣ LXX, проф. Корсунскiй въ шести главахъ первой части (стр. 28—116) рѣшаетъ вопросы: 1) о времени перевода LXX; 2) о продолжительности времени производства перевода, 3) о пере-

водчикахъ; 4) о еврейскомъ подлинникѣ и значеніи перевода LXX для него; 5) о степени достоинства и значенія перевода LXX въ его отношеніи къ еврейскому подлиннику, и 6) о судьбахъ перевода LXX. Обширная вторая часть (стр. 119—641) — состоитъ изъ двухъ отдѣловъ. Отдѣлъ первый А) „Характеристика языка перевода LXX толковниковъ самого въ себя и въ его отношеніи къ языку греческому классическому“ (стр. 123—526). Отдѣлъ второй Б) „Слѣды языковаго и литературнаго вліянія перевода LXX на различнаго рода до христіанскіе и христіанскаго времени памятники греческой письменности“ (стр. 527—641). Въ свою очередь отдѣлы распадаются на главы, коихъ въ первомъ отдѣлѣ четыре, съ подраздѣленіемъ каждой главы на нѣсколько пунктовъ, во второмъ шесть главъ. Въ частности, въ первомъ отдѣлѣ второй части авторъ подвергаетъ изслѣзованію 1) лексикографію перевода LXX; 2) логическую организацію языка этого перевода; 3) грамматику его, и 4) систематическія свойства и особенности его, достоинства и недостатки его, какъ перевода, а во второмъ отдѣлѣ второй части указываетъ слѣды языковаго и литературнаго вліянія перевода LXX на слѣдующіе памятники греческой письменности: 1) неканоническія и апокрифическія книги Ветхаго Заветъ; 2) іудейско-эллинистическую литературу; 3) переводы Акилы, Симмаха и др.; 4) нѣкоторыя произведенія языческой греческой письменности; 5) новозавѣтныя священныя писанія, и 6) церковную литературу, ближе всего святоотеческую и богослужебную.

Въ первой части своего труда авторъ слѣдующимъ образомъ рѣшаетъ поставленные въ ней вопросы: 1) время происхожденія перевода LXX относить къ III-му до христіанскому вѣку; 2) начатое Пятонкиемъ Моисеевымъ производство перевода признаетъ совершившимся въ теченіе приблизительно 60 лѣтъ, въ царствованіе Птолommeевъ II-го (Филадельфа) и III-го (Евергета); 3) мѣстомъ совершенія перевода признаетъ Александрію египетскую, но за еврейскимъ подлинникомъ оставляетъ палестинское происхожденіе; 4) переводчиками считаетъ александрійскихъ ученыхъ іудеевъ, но признаетъ и нѣкоторую долю участія палестинскихъ книжниковъ; 5) придаетъ большое значеніе переводу LXX въ дѣлѣ возстановленія первоначальнаго вида еврей-

скаго подлинника многихъ мѣсть Ветхаго Завѣта, хотя не скрываетъ и многихъ случаевъ отступленія перевода отъ подлинника, которое условливалось разными причинами, и б) утверждая, что автографъ перевода LXX не дошелъ до насъ, устанавливаетъ или указываетъ какъ опору для своего дальнѣйшаго изслѣдованія древнѣйшіе списки его въ предѣлахъ не старѣе IV в. по Р. Хр.: Ватиканскій, Синайскій и Александрійскій.

Во *второй* части, въ главѣ первой, обнимающей лексикографію перевода LXX, проф. Корсунскій, исходя изъ того положенія, что этотъ переводъ написанъ на греческомъ языкѣ такъ называемомъ *κοινή διὰλεχτος*, въ послѣ-классическую эпоху древней Греціи, прежде всего въ сжатыхъ чертахъ представляетъ самый діалектъ въ его соотношеніи съ другими древне-греческими діалектами, а затѣмъ, въ видахъ характеристики языка перевода LXX, представляетъ лексиконъ послѣдняго, при чемъ на первомъ мѣстѣ ставятъ слова перевода, характеризующія его отношеніе къ древне-греческимъ діалектамъ. Чтобы нагляднѣе выставить на видъ значеніе перевода LXX въ исторіи языка греческаго, авторъ представляетъ длинный рядъ словъ или *исключительно* или *впервые* употребляемыхъ въ переводѣ LXX. Въ дополненіе же къ сему, дабы показать, что переводъ LXX не стоялъ внѣ отношеній къ классической словесности, авторъ даетъ рядъ словъ перевода, употребляющихся преимущественно въ *поэзии* греческой, а чтобы выяснитъ отношеніе его къ другимъ, не-греческимъ языкамъ и народностямъ, представляетъ рядъ словъ *чужеземныхъ* и тѣмъ заканчиваетъ лексикографію перевода LXX.—Въ главѣ второй о логической организаціи языка перевода LXX (подъ логической организаціей разумѣется уметвенная работа надъ языкомъ, выработка терминологіи, метафоръ и т. п.) проф. Корсунскій придаетъ большое значеніе предварительнымъ работамъ надъ ней Аристотеля, для чего представляетъ длинный рядъ словъ перевода LXX, впервые введенныхъ въ литературное употребленіе Аристотелемъ и его ближайшими современниками (не позже Поливія, III—II в. до Р. Хр.), и затѣмъ представляетъ кругъ *психологическихкихъ* понятій съ одной и *метафоръ* съ другой стороны.—Въ главѣ третьей, имѣющей предметомъ грамматику языка

перевода LXX, авторъ отмѣчаетъ важнѣйшія явленія изъ области фонетики, морфологіи и словообразованія, свидѣтельствующія объ измѣненіяхъ, какія потерпѣлъ языкъ греческій подъ вліяніемъ времени, устнаго его употребленія и мѣстныхъ условій, такъ что въ этомъ отношеніи языкъ перевода LXX, по автору, занимаетъ посредствующее положеніе между языкомъ греческимъ классическимъ и тѣмъ же языкомъ послѣ—классическаго образованія, пролагая, какъ и въ лексиконѣ, путь средно-и новогреческому; а значеніемъ словъ и гебраизированнымъ синтаксисомъ своимъ языкъ этого перевода полагаетъ твердое основаніе языку *церковно-греческому*, возвышая тѣмъ достоинство греческаго языка классическаго, и путемъ церковнаго употребленія языка греческаго послуживъ къ сохраненію сего послѣдняго до настоящаго времени.—Изъ свойствъ перевода LXX, какъ перевода (о чемъ рѣчь въ главѣ четвертой), на первомъ мѣстѣ является *ясность*, затѣмъ *точность* и наконецъ *чистота*. Особенными же достоинствами его со стороны изложенія являются: простота, естественность и выразительность. Въ отношеніи къ показанію вліянія перевода LXX на другіе памятники греческой письменности (во второмъ отдѣлѣ второй части) авторъ ограничивается сравнительно немногимъ, именно показывая лишь *слѣды* этого вліянія, языковаго и литературнаго, причемъ сравнительно долѣе останавливается на его вліяніи въ области церковной письменности (ветхозавѣтныя псканоническія и апокрифическія книги, переводы Акилы, Симмаха и др., повозавѣтныя Священныя Писанія и святоотеческая съ богослужебною литература). Такъ поступаетъ онъ „и въ сознаниіи наибольшей важности сдѣланной характеристики языка перевода LXX въ самомъ себѣ и въ его отношеніи къ языку древнегреческому классическому и въ видахъ сокращенія предѣловъ изслѣдованія своего о предметѣ вообще“ (стр. 527; ср. стр. 8 введенія). Въ заключеніи (стр. 641—644) проф. Корсунскій указываетъ на важность въ научномъ и плодотворность въ религіозно-нравственномъ отношеніи изученія перевода LXX со стороны языка, изложенія, и со стороны содержанія его, какъ перевода Библии, между прочимъ для насъ, русскихъ, ибо славянскій переводъ священныя книгъ Ветхаго Завѣта въ общемъ правильно

и болѣе или менѣе точно слѣдуетъ греческому переводу LXX толковниковъ.

Къ сочиненію приложены: I. Общія положенія (тезисы) сочиненія.—II. Указатель мѣстъ Св. Писанія, приводимыхъ и объясняемыхъ въ книгѣ. —III. Указатель греческихъ именъ, словъ и фразъ, въ алфавитномъ порядкѣ.—IV. Азбучный указатель важнѣйшихъ именъ и предметовъ а) на иностранныхъ языкахъ и б) на русскомъ языкѣ. V. Дополнительный указатель именъ греческихъ писателей, анонимныхъ сочиненій и сборниковъ, упоминаемыхъ въ книгѣ, и VI. Таблица именъ греческихъ писателей по времени ихъ жизни и литературной дѣятельности.

Такое содержаніе разсматриваемаго нами труда. Каково же научное его значеніе и достоинство?

Что касается первой части изслѣдованія проф. И. Н. Корсунскаго, то она въ общемъ обработана менѣе самостоятельно, чѣмъ вторая часть. Авторъ обнаружилъ и въ первой части основательное знакомство съ обширною относящеюся сюда ученою литературою, подвергъ самому тщательному изслѣдованію различные частные вопросы и путемъ критическаго анализа историческихъ свидѣтельствъ пришелъ къ тѣмъ выводамъ, которые раньше нами были приведены. Но, какъ сознается и самъ авторъ (стр. 115), въ первой части изслѣдованія ему приходилось опираться по преимуществу на труды и результаты изысканій другихъ ученыхъ. Первой части своего изслѣдованія самъ авторъ не придаетъ такого важнаго въ научномъ отношеніи значенія, какъ второй (ср. стр. 115, 119 и др.), которая обращаетъ на себя главное его вниманіе и составляетъ центръ тяжести всего изслѣдованія. Первую часть авторъ называетъ „предварительною“, а вторую „главною“ (стр. 7 введенія). Поэтому и мы главное вниманіе обратимъ на научное значеніе и достоинство этой, второй части труда проф. Корсунскаго.

Не смотря на то, что, какъ справедливо замѣтилъ одинъ ученый Запада (E. Schürer), „литература о переводѣ LXX почти необозрима“ (стр. 8 введ. у профес. Корсунскаго), не смотря на существованіе такихъ трудовъ, какъ *К. Экономоса* четырехъ томное изслѣдованіе „*Περὶ τῶν ὀ' Ἑβδομήκοντα τῆς παλαιᾶς θείας γραφῆς*“ (*Αθήνησιν*, 1844—1849) и специальная работа *К. Партунга* „*Septuaginta Studien. Ein Beitrag*

zur Gracität dieser Bibelübersetzung“ (Bamberg, 1886),— трудъ профес. Корсунскаго является не только для нашей отечественной, но и для заграничной литературы имѣющимъ важное значеніе. У насъ въ Россіи доселѣ были только болѣе или менѣе частныя и не особенно значительныя изслѣдованія о переводѣ LXX, указываемыя въ трудѣ проф. Корсунскаго (стр. 12—13). За границей только упомянутый трудъ К. Гартунга и еще сочиненіе пастора Р. Чортонна: „Вліаніе перевода Ветхаго Завета LXX толковниковъ на ходъ христіанства“ приближаются по задачѣ къ труду проф. Корсунскаго. Но послѣднее сочиненіе, къ сожалѣнію, извѣстно только по библиографической замѣткѣ, помѣщенной въ Христ. Чтеніи за 1862 г. ч. 1, стр. 653—663; самого же сочиненія Чортонна проф. Корсунскій не могъ достать, такъ какъ оно вышло изъ продажи (стр. 17). Гартунгъ же въ своей брошюрѣ въ 65 стр. выполняетъ задачу свою далеко не въ томъ объемѣ, какъ авторъ разсматриваемаго изслѣдованія. Правда, и проф. Корсунскій не могъ, да и не обѣщаль исчерпать и объять все значеніе перевода LXX въ исторіи греческаго языка и греческой словесности, такъ какъ—говоря его словами— „и самый переводъ LXX, особенно въ многочисленныхъ его спискахъ и добавленіяхъ къ еврейскому подлиннику, и значеніе сего перевода представляютъ глубину недосыгаемую, разнообразіе величайшее и обширность своего пространства едва измѣримую“ (стр. 119), однако справедливость требуетъ сказать, что авторомъ не упущено изъ вниманія ни одной, имѣющей болѣе или менѣе существенное значеніе стороны его. Трудъ проф. Корсунскаго впервые такъ обстоятельно и всесторонне раскрываетъ значеніе перевода LXX въ исторіи греческаго языка и словесности. Послѣ раскрытія общаго характера самаго языка перевода LXX, какъ *κοινή διάλεκτος*, профес. Корсунскій болѣе всего даетъ мѣста въ своемъ изслѣдованіи лексикографіи перевода LXX. И это не безъ основанія. Если словарь какого бы то ни было языка—говоритъ авторъ—справедливо признается сокровищницею, въ которую прошедшіе вѣка внесли, съ большимъ или меньшимъ изобиліемъ, все, что они собрали самаго драгоцѣннаго,—многолѣтніе плоды своей опытности, своихъ наблюденій и открытій, и если онъ такимъ образомъ есть истинная энци-

клопедія, содержащая вполнѣ науку народа, который говорить имъ: то словарь перевода LXX есть по преимуществу такая сокровищница, энциклопедія. Ибо лексиконъ перевода LXX-ти, представляя собою совокупность словъ греческихъ не какого-нибудь опредѣленнаго народа или племени, имъ говорившаго, а словъ, отчасти бывшихъ въ народномъ употребленіи говорившихъ по гречески жителей Александриі— Иудеевъ ли то или язычниковъ времени Птолемея, отчасти извлеченныхъ изъ литературнаго (у древнихъ классиковъ и современныхъ LXX толковникамъ писателей греческихъ, а равнымъ образомъ и въ письменности эпиграфической), или народнаго устнаго ихъ употребленія, отчасти же вновь составленныхъ на основаніи стихій, въ греческомъ языкѣ данныхъ, служить выраженіемъ понятій и мыслей собственно чуждаго греческому племени народа еврейскаго. Уже по этому самому онъ представляетъ собою особый составъ словъ и особый интересъ научный. Если же мы примемъ во вниманіе то обстоятельство, что этотъ переводъ не есть переводъ какой либо обыкновенной книги человѣческаго происхожденія; а есть переводъ Библии Ветхаго Завета во всей совокупности ея книгъ и съ разнообразнаго содержанія: то означенный особый составъ получаетъ еще большую важность въ научномъ и другихъ отношеніяхъ и означенный интересъ еще болѣе возвышается“ (стр. 524—525). Сличая лексиконъ LXX съ лексикономъ классической литературы древней Греціи, авторъ разсматриваемаго труда провелъ, шагъ за шагомъ, по существующимъ лексиконамъ и по самымъ памятникамъ библейской и древне-греческой языческой, въ частности эпиграфической письменности, это сличеніе по наиболѣе характернымъ словамъ лексикона LXX,—отчего и выводы получились прочные и многосторонніе (см. напр. стран. 180, 280, 524—526 и др.). Представленные имъ многочисленные примѣры словъ или исключительно или впервые употребленныхъ у LXX даютъ наукѣ греческаго языка съ его словесностью, а равно библейской, археологической и другимъ отраслямъ научнаго знанія богатый матеріалъ для дальнѣйшихъ сужденій и выводовъ. И другіе разряды словъ лексикона LXX (слова поэтическія и чужеземныя), собранные проф. Корсунскимъ, также важны для сужденія объ отношеніи языка сего перевода къ клас-

сическому греческому языку и о привзошедшихъ въ переводъ LXX чужеземныхъ стихіяхъ. Полнаго вниманія заслуживаетъ глава, обнимающая грамматику перевода LXX. Хотя авторъ по скромности и говоритъ, что въ этомъ отдѣлѣ предлагаетъ лишь наблюденія надъ особо выдающимися случаями и явленіями грамматическими (стр. 392; ср. 370), но на самомъ дѣлѣ ученіе о произношеніи звуковъ, о формахъ рѣчи, о словообразованіи изложены въ такой полнотѣ, какой только можно желать въ трудѣ не только съ такимъ заглавіемъ, какъ его книга, но специально-грамматическомъ. Вообще „языкъ перевода LXX, какъ цѣлое, по сознанію одного изъ повѣйшихъ ученыхъ (Kennedy), никогда не былъ съ точностію или строго изслѣдованъ и классифицированъ“ (проф. Корсунскій, предисл. II). Разсматриваемый трудъ удовлетворяетъ этому научному требованію.

Трудъ проф. Корсунскаго не свободенъ отъ нѣкоторыхъ, незначительныхъ, впрочемъ, недостатковъ. Самый замѣтный недостатокъ изложенія — повторенія одного и того же въ двухъ, иногда и въ трехъ мѣстахъ. Такія повторенія замѣчены нами въ изложеніи мысли автора, напримѣръ, о значеніи перевода LXX, о коренномъ измѣненіи древнеклассическаго греческаго языка, объ умраніи его ко времени перевода LXX толковниковъ, объ отношеніи перевода LXX къ еврейскому подлиннику и т. д., одни и тѣ же греческія слова, или еще чаще слова отъ однихъ корней приводятся иногда въ разныхъ разрядахъ лексикографіи. Правда, въ этомъ послѣднемъ, какъ и въ другихъ случаяхъ имѣлись у автора побудительныя причины къ повтореніямъ, но тѣмъ не менѣе они нарушаютъ единство и цѣльность впечатлѣнія читателя. Въ заключеніи введенія (стр. 20) авторъ, желая воспользоваться „словами одного изъ древнѣйшихъ рукописныхъ послѣсловій“, на самомъ дѣлѣ приводитъ отдѣльные выраженія изъ двухъ различныхъ послѣсловій, помѣщенныхъ при Остроміровомъ Евангеліи 1056—1057 гг. и Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи 1377 г., приводитъ, вѣроятно, на память и потому не совсѣмъ точно. На стр. 205-й по поводу слова *ἐρθεσμός* (*er-*въ и *θεσμός*—узы, связь, отъ *δίω*—связываю), употребленныхъ въ 3 Цар. 6, 10; Притч. 7, 22 и Іез. 13, 11, авторъ въ подстрочномъ при-

мѣчаніи дѣлаеть оговорку: „въ слав. опечатка: *свузы* вм. *соузы*, или, какъ въ изд. 1857 г., *связи*“. Но *свузы* нельзя считать опечаткою: это — правильное древне-славянское слово, встрѣчающееся въ древнихъ памятникахъ славянской письменности, глаголическихъ и кирилловскихъ. См. въ словаряхъ церковно-славянскаго языка Востокова и Миклошича (ср. въ нашемъ изданіи Евангелія отъ Марка, Сергіевъ посадъ 1894, стр. 94: Марк. 1, 7 *своузы*, даже *вззвоузы* ¹). На стр. 419 о глаголѣ *εἶδω* авторъ говоритъ: основа *Fid*, откуда латинское *video*, наше *видѣть*, *вѣдать* и пр.“ Но вмѣсто „откуда“ правильнѣе сказать „сравни“, — потому что латинское *video* и русск. *видѣть* происходятъ не отъ греческой, а отъ общерійской основы. Проф. Корсунскій согласныя губныя, зубныя и гортанныя дѣлитъ по произношенію на твердыя и мягкія: „*π, τ, κ*—твердыя, *β, δ, γ*—мягкія, *φ, θ, χ*—придыхательныя (стр. 380, 383, 386). Но правильнѣе называть *π, τ, κ* по произношенію глухими, а *β, δ, γ*—звучными. Впрочемъ, и въ сравнительной научной грамматикѣ арійскихъ языковъ приняты не совѣтъ удовлетворительныя термины: *tenuae—mediae—aspigatae*. Судя по оглавленію, въ 4-й главѣ перваго отдѣла второй части должна быть рѣчь не только о достоинствахъ, но и о недостаткахъ перевода LXX, какъ перевода. Но о недостаткахъ у автора почти ничего не говорится. Въ отдѣлѣ лексикографіи проф. Корсунскій нерѣдко приводитъ объяснительныя слова греческихъ и латинскихъ авторовъ, которыя при семъ обыкновенно передаются въ точномъ переводѣ и по русски. Этотъ добрый обычай иногда однако не соблюдень. Такъ оставлены безъ перевода на русскій языкъ объяснительныя слова: Психія о значеніи наименованія *χίδρον* (стр. 297); Психія и блаж. Иеропима о словѣ *ζώνυζα* (340); Свида о *πρόβολος* (343); Григорія Коринтскаго о дорическомъ діалектѣ (383) и нѣкот. др.—Къ числу недостатковъ изложенія можно еще отнести нѣкоторыя неопредѣленности въ указаніяхъ именъ греческихъ, особенно мало извѣстныхъ писателей, коихъ такъ много цитруется въ сочиненіи проф. Корсунскаго;—пожалуй плеоназмъ на стр. 624-й: „въ Царь-Градъ или Византію, Константинополь“. Но все это мелкіе, не важныя, можно сказать, ничтожныя недостатки.

Нижеслѣдующія замѣчанія дѣлаемъ не въ смыслѣ указа-

ня недостатковъ, а для дополненія и объясненія сказаннаго у проф. Корсунскаго. На стр. 206-й отмѣчено слово „ἐγκότιον (ἐγ—въ и οἶς, ὠτός—ухо)— *въ уши водитое* что-либо, *серьги*, слав. *усерязи*“. Для объясненія сего славянскаго слова (*усерязи*) не лишне замѣтить, что оно одного и того же корня и образования съ готск. ausogings, что значитъ ушное кольцо. Греч. γαμβρός—говорить авторъ—употребляется въ переводѣ LXX въ смыслѣ и зятя, и тестя, и свекра, и шурина, и жениха (стр. 290. 433. 496). Совершенно справедливо, что у LXX толковниковъ это греческое слово служило для обозначенія всякаго, породнившагося посредствомъ брака. Но какое первоначальное значеніе этого слова? Здѣсь, кажется намъ, не излишне указать, что первоначальное значеніе слова γαμβρός—именно зять: γαμβρός и зять (древнеслав. *зачь*, т. е. зепть)—одного корня, происходя отъ общесарійскаго корня гап—рождать (съ суффиксомъ въ обонхъ языкахъ, обозначающимъ дѣйствующее лицо). Также одного корня греч. μέθυ (стр. 324: ἀμέθυτος, μέθοις, μέθω) и слав. *медъ*, савскритск. madhu; греч. καρδία (стр. 359: поэтич. καρδία) и слав. *срдьце* (въ славянскомъ языкѣ начальное с заступило мѣсто древнѣйшаго гортаннаго звука, какъ и въ словахъ: десять—δέκα, сѣто—ἐκατόν, слава—κλέος и др.).—О глаголѣ „παρόω (отъ πάρος—затвердѣлость, камень)— *дѣлаю твердымъ, затвердѣлымъ, притупляю* относительно глазъ, — ослѣпляю“, авторъ говоритъ, что „слово это употребляется неоднократно и притомъ главнымъ образомъ въ смыслѣ нравственнаго ослѣпленія, окаменѣнія, и въ Новомъ Завѣтѣ: Марк. 6, 52: *бы бо сердце ихъ окаменено*; также 8, 17; Иоан. 12, 40 и др.“ (стр. 344). Къ сему не лишне прибавить, что въ Чудовской рукописи XIV в., усвояемой святителю Алексію, митрополиту Московскому, и содержащей весь Новый Завѣтъ, въ двухъ первыхъ мѣстахъ читается прямо: *ослѣплено* (πεπρωμένη; ожидаемый для сего славянскаго чтенія вариантъ *πεπρωμένη* въ критическихъ изданіяхъ греческаго Новаго Завѣта не указанъ). На стр. 229 авторъ говоритъ: „глаголь κατηγορέω—обвиняю—употребляется и въ Новомъ Завѣтѣ перѣдко“. Это правда. Только не излишне добавить, что передается онъ по славянски не всегда словомъ: „обвиняю“, а и другими словами, и при томъ въ различныхъ спискахъ раз-

лично. Такъ, Римл. 2, 15 *κατηγορεῖν* переводится въ древнихъ югославянскихъ спискахъ Апостола: *оклветати*, въ древне-русскихъ спискахъ: *доглаголавати* (въ значеніи обвинять кого, ибо предлогъ „до“ въ древности, кромѣ прочихъ, имѣлъ еще значеніе: на, противъ кого), въ Библии 1499 г.: *уничжати*, въ нынѣшнемъ славянскомъ переводѣ: *осуждати* (см. въ нашемъ изданіи посланія къ Римлянамъ. Сергіевъ посадъ, 1892, стр. 76—77). Такъ и греч. „*συνείδησις*—*сознаніе, совѣсть*“ (стр. 360, указывается Римл. 2, 15) переводится здѣсь въ однихъ спискахъ *свѣсть* (т. е. совѣсть), въ другихъ — *свѣдѣніе*. На стр. 314 авторъ относитъ къ словамъ персидскаго происхожденія греч. *παράδεισος*, садъ, рай, хотя указываетъ и санскритское *рагадеса*, какъ имѣющее „прямое сродство съ персидскимъ по своей звуковой основѣ“. Но не правильнѣе ли греческое *παράδεισος* ставить въ ближайшую связь именно съ указаннымъ санскритскимъ словомъ? По крайней мѣрѣ, и Гартунгъ (*Septuaginta-Studien*, 1886. s. 48) отдаетъ предпочтеніе словопроизводству греческаго *παράδεισος* именно отъ санскр. *परादेश*.

Крупными достоинствами труда проф. Корсунскаго должно признать:

1) *Самостоятельность* автора особенно въ главной и обширнѣйшей второй части его изслѣдованія. „Слаще и чище вода, если ее пить изъ самаго источника“. Руководствуясь этимъ изреченіемъ народной мудрости, проф. Корсунскій рѣшилъ положить въ основаніе своихъ сужденій и выводовъ о значеніи перевода LXX самый текстъ этого перевода и другіе первоисточники (стр. 115—119), и выполнилъ это рѣшеніе съ полнымъ успѣхомъ. Памѣтивъ для себя основные пункты изслѣдованія во второй части своего труда, авторъ, опираясь ближе всего на критическія изданія древнѣйшихъ списковъ текста LXX (Ватиканскій, Синайскій и Александрійскій) съ ихъ многоразличными различеніями по лучшимъ критическимъ изданіямъ Ветхаго Завѣта, съ помощію конкорданцій, лексиконовъ и изданій древнегреческихъ языческихъ писателей, съ неослабѣвющею энергіею и постоянствомъ преслѣдуетъ свою задачу при заполненіи этихъ пунктовъ, причемъ выписки изъ лексиконовъ, конкорданцій и изъ другихъ пособій ировѣряетъ

по самымъ изданіямъ первоисточниковъ (доказательства проверки можно видѣть въ многочисленныхъ подстрочныхъ примѣчаніяхъ).

2) *Обширное знакомство съ литературою предмета.* Автору приходилось имѣть дѣло съ разнообразною литературою, такъ или иначе помогавшею ему въ раскрытіи тѣхъ или другихъ сторонъ изслѣдованія и въ рѣшеніи различныхъ частныхъ вопросовъ. Помимо обширной литературы, указанной въ введеніи, проф. Корсунскій пользовался, какъ видно изъ подстрочныхъ примѣчаній, еще большимъ количествомъ пособій на разныхъ языкахъ.

3) *Тщательность* изслѣдованія, которая особенно замѣтна и нужна была въ отдѣлѣ лексикографіи перевода LXX. Кропотливое сличеніе, тщательная свѣрка текста LXX по его спискамъ съ еврейскимъ подлинникомъ и съ произведеніями различныхъ греческихъ писателей въ книгѣ проф. Корсунскаго невольно внушаетъ полное уваженіе къ ученому трудолюбію автора и довѣріе къ сдѣланнымъ имъ выводамъ. Одобренія заслуживаетъ и тщательность разсматриваемаго труда собственно въ типографскомъ отношеніи. При самомъ внимательномъ чтеніи нами замѣчено лишь весьма немного и то не важныхъ, не нарушающихъ смысла, типографскихъ опечатокъ. И это—въ такомъ большомъ по объему трудѣ, въ которомъ такъ много греческихъ и славянскихъ словъ, служащихъ обыкновенно камнемъ преткновенія для типографски х наборщиковъ.

4) *Важное научное значеніе* для такъ называемой священной или библейской филологіи и археологіи, равно какъ и для уясненія славянскаго перевода Библии. Постоянное стремленіе автора къ наиболѣе точному установленію какъ значенія греческихъ словъ, такъ и времени появленія ихъ въ литературѣ греческой, разъясненіе многихъ мѣстъ Священнаго Писанія, не вездѣ ясныхъ при чтеніи ихъ въ славянскомъ текстѣ, множество историческихъ, филологическихъ, археологическихъ и другихъ свѣдѣній,—все это составляетъ видную заслугу проф. Корсунскаго наукѣ отечественной въ области библейской филологіи. Въ частности, рассмотрѣнный трудъ важенъ и для изслѣдователей славянскаго перевода Библии, поколику способствуетъ уясненію

того библейскаго текста, который послужилъ оригиналомъ для славянской Библии.

5) *Практическое значеніе*. Трудъ проф. Корсунскаго является весьма желательнымъ подспорьемъ и будетъ конечно служить настольною справочною книгою для преподавателей Священнаго Писанія, а равно греческаго языка и словесности.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что изслѣдованіе проф. Корсунскаго носитъ строго-православный характеръ. Взявъ въ основаніе своего изслѣдованія о переводѣ LXX извѣстную записку Митрополита Московскаго Филарета, — о которомъ проф. Корсунскій такъ много писалъ и помимо того, — авторъ твердо держится на почвѣ православія какъ въ общихъ соображеніяхъ о переводѣ LXX, такъ и въ частныхъ чертахъ своего изслѣдованія (разумѣемъ пользованіе и изъясненіе или оправданіе различныхъ мѣстъ Священнаго Писанія по московскому синодальному изданію текста LXX (1821) и обильное пользованіе святоотеческими твореніями и церковно-богослужебною литературою въ раскрытіи и уясненіи смысла тѣхъ или другихъ изъ объясняемыхъ мѣстъ Священнаго Писанія).

Въ виду вышеизложенныхъ крупныхъ достоинствъ сочиненія признаю профессора П. Н. Корсунскаго вполне заслуживающимъ степени доктора богословія“.

б) Доцента по каедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта Василя *Мышцына*:

„Какъ видно изъ предисловія, изслѣдованіе проф. Корсунскаго было задумано имъ еще въ 1882 году, при изданіи труда „Иудейское толкованіе Ветхаго Завѣта“. Имѣя дѣло съ переводомъ LXX, какъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ древне-іудейскаго экзегеса, авторъ тогда же обратилъ вниманіе на крайне важное лингвистическое значеніе этого перевода для послѣдующей неканонической и апокрифической литературы, новозавѣтныхъ Священныхъ Писаній, отеческихъ твореній и богослужебной литературы. Вся эта греческая церковная литература со стороны языка представлялась автору лишь отростками и вѣтвями того великаго дерева, корень котораго заключался въ переводѣ LXX. Такъ припла ему счастливая мысль изслѣдовать языкъ LXX въ его отличіи отъ языка класси-

ческаго и раскрыть его вліяніе на греческую церковную литературу. Выполненіемъ этой мысли и является „Переводъ LXX. Его значеніе въ исторіи греческаго языка и его словесности“.

Сочиненіе проф. Корсунскаго, заключающее въ себѣ, не считая указателя, 644 стр. весьма убористаго шрифта, состоитъ изъ введенія и двухъ частей. Во введеніи (5—20 стр.) авторъ разъясняетъ задачу своего изслѣдованія и указываетъ литературу предмета съ краткой характеристикой ея. Первая часть сочиненія (23—116) посвящена изслѣдованію общихъ предварительныхъ вопросовъ о переводѣ LXX: о времени его происхожденія, о переводчикахъ, о взаимномъ отношеніи перевода LXX и еврейскаго подлинника и, наконецъ, о судьбахъ перевода LXX. За исходный пунктъ своихъ сужденій объ этихъ предметахъ авторъ беретъ обыкновенно слова Митрополита Филарета, изъ его записки „О догматическомъ достоинствѣ и охранительномъ употребленіи греческаго седмидесяти и славенскаго переводовъ Св. Писанія“,—слова, блестяще подтверждаемыя всѣми новѣйшими работами объ этомъ переводѣ. Авторъ начинаетъ съ изложенія и анализа письма Аристее по отношенію къ вопросу о времени происхожденія перевода LXX, затѣмъ разбираетъ свидѣтельства Аристовула и другихъ позднѣйшихъ іудейскихъ и христіанскихъ писателей, останавливаясь особенно подробно на свидѣтельствѣ греческаго переводчика Премудрости Иисуса Сына Сираха. Авторъ склоняется къ признанію, что упоминаемый послѣднимъ Евергетъ былъ Птоломей III-й, жившій въ III вѣкѣ, а не Птоломей VII, царствовавшій во II вѣкѣ, и что, слѣдовательно, переводъ всѣхъ каноническихъ книгъ былъ оконченъ еще въ III вѣкѣ. Вопреки свидѣтельству Аристее, авторъ, согласно съ новѣйшими изслѣдованіями ученыхъ, на основаніи анализа пѣкоторыхъ особенностей перевода считаетъ переводчиковъ не за палестинскихъ, а александрійскихъ іудеевъ. Разсуждая, далѣе, объ отношеніи LXX и еврейскаго подлинника, авторъ, воздавъ должное неисправности перевода, въ то же время высказывается за преимущество многихъ чтеній LXX предъ подлинникомъ, въ подтвержденіе чего представилъ всевозможныя доказательства, какія только выработала наука до настоящаго вре-

мени, вслѣдствіе чего выводъ автора имѣеть неотразимую убѣдительность. Въ послѣднемъ отдѣлѣ первой части авторъ излагаетъ послѣдующую исторію александрійскаго перевода, его широкое распространеніе среди александрійскихъ іудеевъ и параллельно съ нимъ увеличившуюся порчу текста, затѣмъ говоритъ о вызванныхъ неисправностями текста LXX переводахъ Акилы, Симмаха и др., о древнихъ рецензіяхъ LXX, принадлежавшихъ Оригену, Психію и Лукіану. Между прочимъ мы узнаемъ отсюда (стр. 106) о томъ, что митрополитъ Повгородскій и Петербургскій Григорій на запросъ митрополита Филарета писалъ въ 1845 году между прочимъ: „какъ текстъ LXX попорченъ, а исправленный Оригеномъ впоследствии затерянъ, качество же исправленнаго Психіемъ неизвѣстно, то перевода LXX толковниковъ должно держаться по рецензіи св. мученика Лукіана. *Библия его, какъ извѣстно, есть въ Московской Синодальной библиотекѣ не въ одномъ экземплярѣ*“ (авторъ пользовался еще неизданнымъ письмомъ, принадлежавшимъ покойному Архіепископу Саввѣ). Попытку De-Lagarde возстановить текстъ Лукіановской рецензіи авторъ, по нашему мнѣнію совершенно правильно, цѣнить не высоко. Сообщивъ свѣдѣнія о древнѣйшихъ рукописяхъ и печатныхъ изданіяхъ греческаго перевода и высказавъ мысль, что путемъ кропотливой критики текстъ LXX можетъ быть мало-по-малу очищенъ отъ вѣковыхъ поврежденій, и что, — главное, — существованіе вариантовъ въ немъ не можетъ препятствовать лингвистическимъ о немъ изысканіямъ, авторъ переходитъ ко второй части своего труда, именно къ раскрытію значенія перевода LXX въ исторіи греческаго языка и греческой словесности. При этомъ авторъ замѣчаетъ: „между тѣмъ какъ доселѣ въ своемъ изслѣдованіи мы опирались по преимуществу на трудахъ и результатахъ изысканій другихъ ученыхъ, теперь будемъ полагать въ основаніе своихъ сужденій и выводовъ самый текстъ перевода LXX и другіе первоисточники“ (стр. 115). А въ началѣ второй части прибавляетъ: „мы можемъ сказать теперь вмѣстѣ съ довѣреннымъ рабомъ Авраама: вотъ я стою у источника воды“ (Быт. 24, 13). Имѣлъ ли право такъ говорить авторъ, мы увидимъ ниже.

Во второй части, въ первой и бѣльшей по объему поло-

винѣ (стр. 119—526), авторъ даетъ подробнѣйшую характеристику языка перевода LXX самого въ себѣ и въ его отношеніи къ языку греческому классическому, что составляетъ центръ тяжести всего его сочиненія. Характеризуя языкъ LXX, авторъ изслѣдуетъ его съ четырехъ сторонъ: 1) со стороны лексикографіи, 2) логической организаціи, 3) грамматики, и 4) его особенностей, какъ перевода. Лексикографія LXX составляетъ самый большой (стр. 127—316) и вмѣстѣ съ тѣмъ самый важный отдѣлъ въ характеристикѣ языка LXX. Здѣсь авторъ даетъ пять различныхъ лексиконовъ словъ, употребленныхъ LXX, именно: а) лексиконъ словъ, характеризующихъ діалектъ LXX, какъ *κοινή διάλεκτος*, съ точнымъ обозначеніемъ того, какой смыслъ имѣетъ каждое слово, у какихъ классиковъ, въ какихъ мѣстахъ Библии, въ какихъ кодексахъ и авторитетныхъ изданіяхъ встрѣчается оно; б) лексиконъ словъ, *исключительно* употребляемыхъ лишь въ переводѣ LXX, съ выясненіемъ происхожденія и значенія каждаго слова и съ указаніемъ его соотвѣтствія извѣстному еврейскому слову и употребленія однокоренныхъ съ нимъ греческихъ словъ у классиковъ; в) лексиконъ словъ, *впервые* встрѣчающихся у LXX, съ указаніемъ употребленія ихъ у писателей, слѣдующихъ за этимъ переводомъ; г) лексиконъ словъ поэтическихъ и наконецъ д) лексиконъ словъ чужеземныхъ, взятыхъ изъ языковъ еврейскаго или вообще семитическаго, египетскаго и персидскаго. Послѣдній лексиконъ, помимо своей научной важности, отличается и большимъ интересомъ. По вычисленіямъ автора на букву α изъ 1244 словъ, встрѣчающихся у LXX, 297 словъ употребляются въ классической литературѣ съ Гомера, и 612 встрѣчаются у другихъ классическихъ писателей, иначе сказать, почти $\frac{3}{4}$ всего лексикона LXX на α имѣются и въ лексиконѣ классическомъ. Почти такое же отношеніе обонхъ лексиконовъ и на остальные буквы. Отсюда авторъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что „языкъ перевода LXX, насколько представляетъ своеобразность въ лексическомъ своемъ составѣ, начиная собою новую эпоху въ исторіи языка греческаго, именно эпоху *церковнаго языка*, при томъ отчасти пролагая путь и *новогреческому*, настолько же примыкаетъ и къ лексикону лучшаго, классическаго періода греческой литературы“

(316 стр.) Въ отдѣлѣ о логической организаціи языка LXX (стр. 317—368) авторъ знакомитъ насъ съ тѣмъ, какъ употребленнымъ у классиковъ словамъ LXX придавали новое, отличное значеніе, внося въ нихъ понятія и представленія еврейскаго подлинника. Какъ на особенно характерный примѣръ въ этомъ отношеніи авторъ указываетъ на психологическую терминологию LXX, дѣлая ей подробный анализъ по сравненію съ еврейской и классической терминологіей. Приемы, употребляемые LXX-ю при образованіи новыхъ понятій, были намѣчены уже писателями классическаго періода, особенно Аристотелемъ, въ доказательство чего авторъ приводитъ списокъ словъ, встрѣчающихся у LXX и явившихся впервые не ранѣе Аристотеля. Въ отдѣлѣ о грамматикѣ LXX (стр. 369—465) авторъ ставитъ своею цѣлью представить не полное изслѣдованіе ея, а свои наблюденія преимущественно надъ этимологіей языка, и отчасти надъ синтаксисомъ. Здѣсь, между прочимъ, авторъ даетъ богатый матеріалъ по вопросу объ Эразмовскомъ и Рейхлиповскомъ произношеніи греческихъ словъ, исходя изъ сравненія съ одной стороны греческихъ и еврейскихъ собственныхъ именъ или непереведенныхъ словъ, и съ другой стороны изъ сличенія различной орфографіи одного и того же слова въ разныхъ кодексахъ LXX и древнихъ надписяхъ. Авторъ особенно обращаетъ вниманіе на вліяніе еврейскаго синтаксиса на синтаксисъ греческій. Характеристику языка LXX авторъ заканчиваетъ изслѣдованіемъ особенностей его, какъ перевода, его достоинствъ и недостатковъ (стр. 466—526). Здѣсь въ дополненіе къ ранѣе сказанному авторъ говоритъ о томъ, какъ LXX, изъ желанія быть вѣрными подлиннику въ отношеніи его богооткровеннаго содержанія, придумывали новыя слова, вводили въ рѣчь новые обороты и оборотамъ классическимъ придавали особый, высшій смыслъ. Въ доказательство авторъ приводитъ много словъ и оборотовъ, употребленныхъ у LXX, съ подробнымъ и многосодержательнымъ анализомъ ихъ (напр. *ἀγαθός, ἀγαπᾶω, ἀγιάζω, ἀγάθεια, διὰβολός, διαθήκη, ἰλασμοίαι, λειτουργία, οἰκονομία, περιτομή, σόφς* и др.) Въ характеристикѣ перевода LXX, какъ собственно перевода, авторъ ставитъ на первомъ мѣстѣ ясность, потомъ уже точность, и наконецъ чистоту языка. въ

пользу чего представляетъ много безспорныхъ доказательствъ.

Вторая половина 2-й части, гораздо меньшая по объему (стр. 527—614), посвящена изслѣдованію языковаго и литературнаго вліянія перевода LXX на памятники греческой письменности до—христіанскаго и христіанскаго времени, именно: на неканоническія и апокрифическія книги Ветхаго Завѣта (532—546), на іудео-эллинстическую литературу (547—562), на греческіе переводы Акилы, Симмаха и др. (563—572), на произведенія языческой греческой письменности (573—588), на новозавѣтныя Священныя Писанія (589—606) и на христіанскую литературу (607—614). Здѣсь авторъ приводитъ множество убѣдительныхъ примѣровъ весьма большой зависимости перечисленныхъ произведеній отъ перевода LXX.

Изложивъ вкратцѣ содержаніе диссертациі проф. Корсунскаго, выскажемъ теперь наше мнѣніе о его научныхъ достоинствахъ.

Двѣ части диссертациі, будучи неравномѣрны по объему, различны и по своей научной значимости и плодотворности. Первая часть представляетъ собою послѣднее слово науки, но это слово есть результатъ филологическихъ и критическихъ изысканій новѣйшихъ ученыхъ. Авторъ и не ставитъ себѣ здѣсь задачи сказать что либо новое. Его цѣль—резюмировать то, къ чему пришла европейская наука въ концѣ XIX столѣтія. Иное, конечно, дѣло—значеніе этой части для русской публики и литературы. Представляя собой первый опытъ полной монографіи о LXX, основанный на изученіи новѣйшихъ работъ западныхъ ученыхъ, она служитъ довольно цѣннымъ вкладомъ въ русскую богословскую литературу. Но въ отношеніи къ сочиненію проф. Корсунскаго мы намѣрены говорить о научномъ значеніи и новизнѣ не въ русской только наукѣ, но и въ обще-европейской. Смотря съ этой точки зрѣнія на предметъ, мы должны прямо заявить, что научная важность первой части рѣшительно ступеневывается предъ тѣмъ, дѣйствительно, капитальнымъ трудомъ, который представляетъ вторая часть сочиненія, объемъ которой превосходитъ объемъ первой въ семь разъ. Мы увѣрены, что авторъ въ этой собственно части сочиненія и поставилъ почти весь его научный

вѣсь. Это уже ясно изъ того, что собственно содержаніе второй части отвѣчаетъ заглавію сочиненія. Первая же часть явилась у автора изъ желанія дать болѣе или менѣе полныя предварительныя свѣдѣнія о LXX, прежде чѣмъ приступить къ своей главной задачѣ—охарактеризовать языкъ LXX. Мы думаемъ, что правильнѣе было бы назвать эту часть введеніемъ.

Но что представляетъ собою вторая часть? Авторъ нигдѣ не далъ себѣ труда ясно указать своему сочиненію мѣсто въ обще-европейской филологическо - богословской литературѣ и выяснить его значеніе въ современной поступи, можно сказать, цѣлой науки, предметъ которой составляетъ переводъ LXX и которую можно было бы назвать септуагинтологія,—предоставляя сдѣлать это читателю. Это мы и попытаемся сдѣлать.—До настоящаго времени ученый міръ владѣлъ лексиконами двухъ родовъ: классическимъ и лексикономъ LXX (по удачному выраженію автора, *церковнымъ*). Лучшій классическій лексиконъ Стефана-Газе, лучшій изъ лексиконовъ LXX — лексиконъ Шлейсснера. Оба эти лексикона давали анализъ языка классическаго и LXX совершенно независимо другъ отъ друга, почти такъ, какъ если бы это были лексиконы греческій и латинскій. Излишне говорить, конечно, насколько важно было въ филологическихъ и экзегетическихъ цѣляхъ изслѣдованіе вопроса, какъ же относятся другъ къ другу оба эти лексикона, или—что тоже—языка, что новаго сравнительно съ классическимъ представляетъ лексиконъ LXX, въ чемъ заключается типичность, характерность, такъ сказать,—физиономія LXX? Вопросъ этотъ занималъ ученыхъ и ранѣе. Гартунгъ, Экономосъ, Hatsch, Kennedy, Kremer и др. дѣлали попытки братья за его рѣшеніе, анализируя *нѣкоторыя* слова лексикона LXX по сравненію его съ классическимъ и новозавѣтнымъ. Но всѣ они имѣли дѣло съ словами и понятіями, случайно взятыми, составляющими лишь незначительную часть лексикона LXX, и потому односторонне освѣщающими предметъ. Никто изъ западныхъ ученыхъ не рѣшился до сихъ поръ взять на себя задачу по возможности полнаго сличенія двухъ лексиконовъ и языковъ. Первый взялъ на себя это проф. Корсунскій. Онъ первый перекинулъ мостъ между параллельно

идущими теченіями въ исторіи классическаго и церковнаго языка. И въ этомъ его главная ученая заслуга. Его трудъ имѣетъ громадное значеніе, какъ для исторіи греческаго языка, такъ и для библейской текстуальной критики — и экзегеса, что для насъ особенно важно. Мы готовы были бы удивляться тому, что за столь плодотворный, хотя и весьма сложный, трудъ не взялся ни одинъ западный ученый, если бы не знали о той осторожности современныхъ ученыхъ, вслѣдствіе которой они отказываются иногда отъ рѣшенія настоятельныхъ вопросовъ за отсутствіемъ хорошихъ изданій. Послѣднія всего нужнѣе для филологическихъ работъ. Но они явились недавно. Въ 1894 году было закончено великолѣпное изданіе главныхъ кодексовъ LXX Свитомъ, а въ нынѣшнемъ году закончена превосходная конкорданція LXX, изданная Hatch'омъ и Redpath'омъ на смѣну старой конкорданціи Троммія, которой пользовался Шлейсснеръ. Мы почти увѣрены, что такіе труды явятся на западѣ въ первое пятилѣтіе. — Если бы кто заключилъ изъ нашихъ словъ, что нашъ авторъ, сравнивая лексиконы классическій и LXX, сравнивалъ собственно словари Стефана-Газа и Шлейсснера, тотъ ошибся бы. Словарь Шлейсснера, не смотря на его большія достоинства, для настоящаго времени устарѣлъ (онъ изданъ въ 1820 году). Изъ сочиненія проф. Корсунскаго оказывается, что у Шлейсснера 1) есть слова лишнія, явившіяся вслѣдствіе того, что авторъ (Шлейсснеръ) ошибочное письмо нѣкоторыхъ кодексовъ счелъ за новое, нигдѣ не употребляющееся слово, 2) недостаетъ нѣкоторыхъ словъ, несправедливо считавшихся имъ ошибочными чтеніями (напр. стр. 160, 247, 220 и др.), и 3) ссылки на кодексы, гдѣ извѣстное слово встрѣчается, переполнены множествомъ ошибокъ, явившихся вслѣдствіе неисправныхъ изданій LXX. Указанія на кодексы имѣютъ весьма важное значеніе для оцѣнки древности и авторитетности чтенія, въ которомъ извѣстное слово употребляется. Эти недостатки лексикона Шлейсснера были исправлены проф. Корсунскимъ на основаніи самостоятельной провѣрки всѣхъ библейскихъ цитатъ и библейскихъ значеній слова. Исправляя и провѣряя Шлейсснера, авторъ обладалъ большими счастливыми преимуществами предъ нимъ, — разумѣемъ новѣйшія изданія

ЛХХ Тишендорфа - Гестле и Свита, конкорданцію Hatch-Redpath. А насколько велика разница между прежними изданиями древнихъ рукописей и новыми, можно ясно видѣть, напримѣръ, сличивъ „Описаніе славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библиотеки“, изд. А. В. Горскаго и Невоструева (1855), — гдѣ сравниваются древніе славянскіе переводы Библии съ разными кодексами ЛХХ, — съ послѣднимъ лучшимъ изданіемъ ихъ у Свита. Самое поверхностное сличеніе этихъ двухъ изданій убѣждаетъ въ необходимости серьезнаго пересмотра и исправленія „Описанія рукописей“. Приступая къ чтенію диссертациі г-на Корсунскаго, мы думали, что онъ не успѣлъ еще воспользоваться послѣднимъ томомъ англійской конкорданціи, вышедшимъ за нѣсколько мѣсяцевъ до печатанія книги, но ошиблись въ этомъ. Проверка многихъ мѣстъ показала намъ, что авторъ воспользовался и этимъ томомъ. Забѣтивъ, что авторъ пользуется по временамъ изданіемъ Тишендорфа-Гестле (изданіе лучшее изъ всѣхъ до 1894 г.), мы думали встрѣтить здѣсь недочеты сравнительно съ изданіемъ Свита. Но и здѣсь авторъ избѣжалъ ихъ, благодаря тому, что пользовался конкорданціею Hatch - Redpath, покоящеюся на изданіи Свита, хотя мы не знаемъ, произошло-ли это по счастливой случайности, или по сознательному намѣренію автора. Если бы авторъ издалъ свою работу годомъ ранѣе, она не имѣла бы той научной цѣнности, какую имѣетъ теперь. Но новое изданіе ЛХХ и новая конкорданція не могли дать автору всего того, что отъ него требовалось. Такой - то кодексъ, допустимъ, имѣетъ такое то чтеніе съ такимъ-то словомъ. Но вопросы, какого происхожденія это слово, не есть ли оно простая ошибка писца, и какой смыслъ имѣетъ оно въ данномъ мѣстѣ, эти вопросы требовали часто критическихъ и экзегетическихъ изслѣдованій отъ автора. Онъ весьма часто приводитъ выдержки изъ классическихъ писателей, съ самостоятельнымъ, насколько мы умѣемъ судить, превосходнымъ русскимъ переводомъ, и еще чаще вноситъ въ свою рѣчь анализъ библейскихъ цитатовъ съ критическими и экзегетическими замѣчаніями относительно не только греческаго, но и славянскаго текста. Изъ всего сказаннаго выводъ тотъ, что сравненіе лексиконовъ классическаго и ЛХХ у

автора не есть сравненіе Стефана-Газе и Шлейсснера, но сравненіе собственно самаго языка классическаго и языка LXX. Авторъ строить новое зданіе не на старомъ фундаментѣ, но перебираетъ послѣдній заново и скрѣпляетъ его свѣжимъ цементомъ. Нисколько не было, поэтому, нескромностію со стороны автора поставить на своей книгѣ эпиграфъ: „*Ἐστῆκα ἐπὶ τῆς πηγῆς τοῦ ὕδατος.*“

Сказанное нами объ отдѣлахъ лексикографіи и логической организаціи (разумѣемъ подъ этимъ и 4-й отдѣлъ о свойствахъ перевода LXX, служащій собственно дополненіемъ къ отдѣлу второму) относится, хотя въ нѣсколько меньшей степени, и къ изслѣдованіямъ автора о грамматикѣ LXX. Западные ученые обычно предпочитаютъ писать грамматики новозавѣтнаго языка, хотя въ нихъ и касаются часто грамматики LXX. Но спеціальнаго изслѣдованія о послѣдней до сихъ поръ не появлялось. если не считать изслѣдованій по частнымъ вопросамъ грамматики, напр. Липсіуса и др. Но совершенно справедливо говорить Брöße относительно вышедшей въ прошломъ году *Grammatik des Neutest. Griechisch.* Blass'a: „авторъ писалъ свою грамматику, очевидно, для богослововъ; ибо если бы онъ писалъ для филологовъ, то онъ простеръ бы свою задачу далѣе и послѣдовалъ мнѣнію тѣхъ, которые... ничего болѣе не хотятъ знать о новозавѣтной грамматикѣ, такъ какъ новозавѣтный греческій идиомъ есть, конечно, лишь часть того (т. е. александрійскаго) періода языка. Это безспорно“ (*Theol. Studien-und Kritiken.* 1898. I. H. s. 199). Этому упрека мы не можемъ сдѣлать проф. Корсунскому. Хотя авторъ и оговаривается, что намѣренъ представить лишь свои наблюденія надъ грамматикой LXX, а не полный, такъ сказать, курсъ ея, тѣмъ не менѣе эти наблюденія оказываются весьма любопытными и новыми, какъ въ филологическомъ, такъ и въ экзегетическомъ отношеніи. Главное же то, что, введши въ свое изслѣдованіе этотъ отдѣлъ, авторъ сумѣлъ изучить и уяснить языкъ LXX, какъ нѣчто цѣльное, органически связанное, каковой попытки никто изъ западныхъ ученыхъ доселѣ не сдѣлалъ (см. объ этомъ слова Kennedy въ предисловіи автора). Послѣдній отдѣлъ сочиненія, намѣчая главныя черты вліянія языка LXX на церковную литературу, остав-

ляетъ въ читателѣ неотразимое впечатлѣніе того, что языкъ этотъ не умеръ, но какъ живой организмъ непрерывно жилъ съ тѣхъ поръ въ неканонической, апокрифической, новозавѣтной и отеческой литературахъ, и доселѣ живетъ въ языкѣ новогреческомъ.

Такова научная важность второй части сочиненія проф. Корсунскаго. Новизна предмета, самостоятельность работы, научность приѣмовъ и богатство достигнутыхъ авторомъ результатовъ—вотъ ея главнѣйшія достоинства.

Недостатки, замѣченные нами въ сочиненіи проф. Корсунскаго, носятъ совершенно частный характеръ и въ научномъ отношеніи не важны. Болѣе серьезный изъ нихъ состоитъ въ томъ, что авторъ не вездѣ, гдѣ слѣдовало, по нашему мнѣнію, обращаетъ вниманіе на соотвѣтствующія греческимъ еврейскія слова. По мысли автора, языкъ LXX есть греческій языкъ гебраизированный. Авторъ иногда прямо говоритъ: „LXX образовали новыя слова“. Однако ни исключительное употребленіе извѣстнаго слова у LXX, ни употребленіе его въ первый разъ не доказываетъ еще того, что LXX сами образовали его, стараясь точнѣе передать подлинный текстъ. Самъ авторъ говоритъ, что подобныя слова часто брались изъ народной рѣчи (стр. 280). Объ оригинальности того или другого слова можно съ вѣроятностью говорить лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это слово отличается особенно точною передачею еврейскаго выраженія при отсутствіи слова, соотвѣтствующаго еврейскому въ классической литературѣ. Если же LXX передаютъ не букву, а смыслъ даннаго мѣста подлинника, то едвали они могли чувствовать нужду въ образованіи новаго слова. Вотъ почему необходимо, по нашему мнѣнію, по возможности постоянное сближеніе греческихъ словъ съ еврейскими, чего у автора иногда не находимъ. Напр. слова *πολιδια* и *ελληνοζαϊδιος*, помято LXX, встрѣчаются— первое лишь у Св. Отцовъ: Златоуста и Григорія Богослова (см. стр. 256), второе— у Симмаха, Иустина, Оригена и въ новогреческомъ (стр. 261). Что это за слова? Образованы ли они LXX-ью или случайно не употреблялись у классиковъ? Въ рѣшеніи этого вопроса имѣетъ во всякомъ случаѣ большую важность то, что *πολιδια* (многие пути) есть точная передача двухъ еврейскихъ словъ: *гоб*

(множество), *degek* (путь) (Ис. 57, 10), а слово *οκληροκόρο διος* (Притч. 17, 20) есть буквальный переводъ евр. *kescheh* (жестокій) и *leb* (сердце). Другіе недостатки менѣе важны. На стр. 39 въ опроверженіе того мнѣнія, что въ словахъ внука Исуса Сына Сирахова (*ἐν γὰρ τῷ ὄυδῶφ καὶ τριακοστῷ ἔτει ἐπὶ τοῦ Εὐεργέτου βασιλείας*, т. е. на 38 году при Евергетѣ царѣ) греч. предлогъ *ἐπὶ* есть плеоназмъ, нѣчто лишнее (и слѣд. смыслъ фразы: „на 38 году Евергета царя“ а не: на 38 г. жизни переводчика при Евергетѣ царѣ), авторъ хочетъ доказать умѣстность и значимость предлога тѣми же примѣрами, которые Дейссманъ приводитъ въ подтвержденіе обратной мысли, что предлогъ этотъ излишенъ. Однако авторъ не доказалъ своего положенія. Три приведенные имъ примѣра несомнѣнно таковы, что въ нихъ предлогъ *ἐπὶ* можно совершенно выбросить, нисколько не измѣнивъ смысла греческой фразы. Выраженіе въ первомъ примѣрѣ: *ἐν τῷ ἐπὶ Λυσιάδου ἀρχοντος ἐναντιῷ* (въ годъ при архонтѣ Лусіадѣ) значить въ данномъ мѣстѣ: „въ годъ архонта Лусіада;“ другой примѣръ: *τοῦ πρώτου ἔτους ἐπὶ τοῦ πατρὸς αὐτοῦ* (въ первый годъ при отцѣ его) значить: „въ первый годъ отца его“; третій примѣръ: *τοῦ λε μεσορή ἐπὶ τοῦ αὐτοῦ βασιλείας* въ мѣсяцѣ Месори 35 года при томъ же царѣ) слѣдуетъ переводить: „въ Месори 35 года того же царя“. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ *ἐπὶ* совершенно лишнее. Какъ же авторъ видитъ въ нихъ доказательство того, что предлогъ *ἐπὶ* въ прологѣ къ Премудрости Исуса Сына Сираха выбросить нельзя, что онъ придаетъ фразѣ особый смыслъ, именно: „на 38 г. при Евергетѣ царѣ“, а не: „на 38 г. Евергета царя?“ На стр. 73 авторъ говоритъ, что „самыя древнія рукописи еврейскаго мазоретскаго текста, по суду знатоковъ (ссылка на Хвольсона), относятся лишь къ V вѣку христіанства“. Но по общему признанію современныхъ библиологовъ нельзя доказать, чтобы древность еврейскихъ рукописей восходила далѣе X вѣка. Самый древній кодексъ, древность котораго безспорна,—это—кодексъ пророковъ, находящійся въ настоящее время въ Петербургской Императорской Библиотецѣ и изданный Штраккомъ. На стр. 92. въ греч. переводѣ Второз. 32, 8: *κατὰ ἀριθμὸν ἀγγέλων Θεοῦ* (по числу ангеловъ Божіихъ) вмѣсто евр.: „по числу сыновъ

Израилевыхъ“, авторъ видитъ вліяніе александрійской теософіи, учившей объ ангелахъ, управляющихъ различными частями міра и различными народами. Но дѣло объясняется проще. Греческіе переводчики первоначально перевели правильно: *κατὰ ἀγγέλων υἱῶν Ἰσραήλ*, какъ и въ подлинникѣ. Но, какъ извѣстно, въ греческихъ манускриптахъ вмѣсто *Ἰσραήλ* часто писалось, какъ въ дошедшихъ до насъ древнихъ рукописяхъ, сокращенное *Ἰλ*. По іота, какъ едва слышная, могла легко исчезнуть. Осталось такимъ образомъ *ηλ*, каковое, по свидѣтельству отцовъ, было извѣстнымъ для христіанъ именемъ Божиимъ, заимствованнымъ изъ еврейскаго языка (=el). Отсюда вмѣсто *υἱῶν ηλ* явилось *υἱῶν Θεοῦ*. Последнее же выраженіе, какъ видно изъ перевода Быт. VI, 2 и изъ сличенія древнихъ кодексовъ, было синонимомъ выраженія *ἀγγέλων Θεοῦ*. II въ разбираемомъ мѣстѣ одни кодексы имѣютъ *υἱῶν Θεοῦ*, другіе— *ἀγγέλων Θεοῦ*. Такъ изъ выраженія *κ. α. υἱῶν Ἰσραήλ* могло явиться *κ. α. ἀγγέλων Θεοῦ*. На стр. 108 авторъ говоритъ, что синайская рукопись „содержитъ почти весь Ветхій Завѣтъ“, хотя автору совершенно извѣстно, какъ видно изъ примѣчанія, что въ ней нѣтъ почти всего Пятюкнижія, всего Іезекиіля, Даниіла, Авоса, Михея, Осіи и почти всѣхъ каноническихъ историческихъ книгъ. На стр. 113—114 авторъ говоритъ, что чтеніе *ταφείς* вм. *ταφείς* въ Быт. 15, 15 сдѣлалось ходячимъ еще въ IV вѣкѣ. Но оно было извѣстно еще Оригену, какъ видно изъ его комментарія. На стр. 160 цитатъ изъ 2 Парал. 34, 3, гдѣ по главнымъ чтеніямъ стоитъ будто *περιβωμίον*, чего на самомъ дѣлѣ ни въ Ват., ни въ Алекс. рукописи нѣтъ, а есть въ Сикет. изд. и изд. Моск. На стр. 175 указанъ глаголь *φάσχω* съ цитатомъ на Быт. 44, 3. Но въ лучшихъ кодексахъ (А. D. F. см. Свита) здѣсь стоитъ *διαφάνω*. На стр. 180—*ὄροισι* съ цит. Іезек. 19, 17. Но изъ главныхъ кодексовъ лишь на поляхъ Ватик. (Vab). На стр. 197 *διέπρωον* съ цит. 13 Цар. 7, 31. 32. Но изъ главныхъ кодексовъ лишь въ Алекс., въ Ватик. же иначе. На стр. 199:—*ἐγκαταλοχίζω*—2 Пар. 31, 18 въ Ват. и др. Но такъ лишь въ Vab, а въ Ват.—*ἐγκαταλοχίσαι* (а не: *εγκат.*) въ Алекс.—*ἐν καταλοχίαις*. Ясно, что предъ нами здѣсь цѣлый процессъ образованія чтенія. Не слѣдуетъ ли

поэтому считать чтение *Vab* поврежденнымъ? На стр. 201 *ἐπιδιωροῦσι* Есѳ. 1, 17 по разночтеніямъ. По такъ лишь въ *Sca* (слѣд позднѣйшая поправка). На стр. 205 *ἐνθρονίζω* Есѳ. 1, 2. Такъ лишь въ *Sca*. Въ остальныхъ *θρονίζω* съ приращеніемъ. Приведенные нами и нѣкоторые другіе недостатки сочиненія проф. Корсунскаго имѣютъ большею частью характеръ нѣкоторыхъ неточностей и обмолвокъ. Незначительные по важности, они незначительны и по количеству для книги въ 644 стр., да еще съ такимъ трудно корректируемымъ матеріаломъ. Вообще же слѣдуетъ сказать, что и съ внѣшней своей стороны изданіе профессора дѣлаетъ честь какъ автору, корректировавшему свое сочиненіе, такъ и печатавшей его типографіи (Свято-Троицкой Сергіевой Лавры), что въ трудахъ подобнаго рода имѣетъ большую цѣну.

Въ заключеніи мы должны сказать еще слѣдующее. Задачу, какую поставилъ себѣ проф. Корсунскій, могъ взять на себя лишь ученый, соединяющій въ себѣ филолога и богослова. А такимъ и явился авторъ. Знаніе классическаго языка у него настолько хорошо, что онъ положительно перестаетъ быть для него языкомъ мертвымъ, и ставовится живымъ, едва не роднымъ. вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ обладаетъ такимъ запасомъ свѣдѣній по части толкованія Св. Писанія и критики текста Библии, который пріобрѣсти собственно филологу—специалисту едва ли возможно. Но и при богатствѣ эрудиціи за такой предметъ могъ взяться человекъ съ неисчерпаемой энергіей, съ кропотливымъ трудолюбіемъ. На такое терпѣливое трудолюбіе способны лишь особые избранники. Свой многолѣтній трудъ профессоръ посвятить предмету, который особенно дорогъ сынамъ Православной Церкви, такъ какъ изучаемый и слышимый нами въ богослуженіи славянскій переводъ Библии, по справедливому выраженію автора, „есть вообще говоря точный снимокъ съ греческаго перевода LXX“ (20-й тезисъ). При отсутствіи у насъ русскаго словаря LXX и благодаря богатому экзегетическому матеріалу, сочиненіе проф. Корсунскаго принесетъ большую пользу всѣмъ изучающимъ Ветхій Заветъ, начиная съ ученыхъ и кончая воспитанниками семинарій. При всей учености автора, мы не встрѣтили въ его сочиненіи ни одной мысли, ни одного слова, ни одного

толкованія, которыя могли бы хоть сколько нибудь смутить сознанія православнаго, даже юнаго читателя.

Въ виду всѣхъ указанныхъ нами достоинствъ сочиненія проф. Корсунскаго, считаемъ послѣдняго вполне заслуживающимъ степени доктора богословія“.

Справка: 1) По § 142 устава духовныхъ академій „Степени доктора богословія, равно какъ церковной исторіи и церковнаго права, удостоиваются магистры богословія безъ устнаго испытанія, по представленіи напечатанной диссертациі или сочиненія. хотя бы и написаннаго не съ цѣлю полученія ученой степени“. 2) Экстраординарный профессоръ Иванъ Корсунскій получилъ степень магистра богословія въ Московской духовной академіи въ 1882 году. 3) § 81 лит. в п. 6.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ утвержденіи экстраординарнаго профессора академіи по кафедрѣ греческаго языка и его словесности, магистра богословія Ивана Корсунскаго въ степени доктора богословія. 2) Представить Его Высокопреосвященству и въ Святѣйшій Синодъ по экземпляру диссертациі профессора Корсунскаго и копіи съ отзывомъ о ней ординарнаго профессора академіи Григорія Воскресенскаго и доцента Василия Мышцына.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „Дек. 30. Согласенъ ходатайствовать“.

Того же числа.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ ректора академіи архимандрита Лаврентія, инспекторъ академіи и. д. ординарнаго профессора архимандритъ Арсеній и члены Совѣта академіи, кромѣ профессоровъ: В. Ключевскаго, П. Корсунскаго и А. Голубцова, не присутствовавшихъ по болѣзни, и А. Введенскаго, находящагося въ заграничной командировкѣ.

Слушали: Отзывъ комиссіи, состоящей подъ предсѣдательствомъ инспектора академіи и. д. ординарнаго профессора *архимандрита Арсенія*, изъ ординарныхъ профессоровъ: Николая *Каттерева*, Григорія *Воскресенскаго*, Николая *Заозерскаго* и экстраординарнаго профессора Пвана

Корсунскаго объ ученыхъ трудахъ о протоіерее С.-Петербургской Успенской, что на Сѣнной, церкви, магистра богословія, Константина Тимофеевича *Никольскаго*:

„Среди отечественныхъ духовныхъ писателей нашихъ особенно выдѣляется своею учено-литературною дѣятельностью маститый старецъ, протоіерей С. Петербургской Успенской, что на Сѣнной, церкви, магистръ С.-Петербургской духовной академіи XVIII курса (выпуска 1849 года), Константинъ Тимофеевичъ Никольскій, дѣлывшій четыре десятилѣтія неустанно трудящійся въ области духовной, и притомъ почти исключительно въ одной отрасли ея, — наукѣ о богослуженіи.

Соотвѣтственно двойному характеру этой науки, въ силу историческихъ условий своего возникновенія сложившейся изъ двухъ необходимыхъ стихій, — литургической (или богослужебной) собственно и церковно-археологической, какъ на западѣ, такъ и на востокѣ, въ частности у насъ, въ Россіи, эта наука издавна имѣла своихъ, болѣе или менѣе видныхъ, представителей, двоякаго рода изслѣдованіями въ ея области ознаменовавшихъ себя, — съ одной стороны, — литургическими, а съ другой, — церковно-археологическими. Имена Морина ((Io. Morinus), Гоара (Goar), Бингама (Jos. Bingham), Ассемана (Jos. Sim. Assemanus), Мартена (Ed. Martene), Августи (I. Chr. W. Augusti), Винтерима (Ant. Jos. Winterim), Люфта (Joh. Bapt. Luft) и многихъ другихъ на западѣ уже давно сдѣлались извѣстными, и ихъ труды необходимы для занимающихся этою двойною наукою. Впрочемъ, и на востокѣ и у насъ въ Россіи также довольно давно эта наука стала обращать на себя вниманіе ученыхъ силъ. Такъ, между прочимъ, у насъ еще въ XVII вѣкѣ, отчасти переведена съ греческаго, отчасти же сочинена повелѣніемъ царя Алексѣя Михайловича и по совѣту и благословенію патріарха Никона „извѣстная *Скрижаль*, содержащая въ себѣ толкованіе божественныхъ литургій съ приложеніемъ другихъ сочиненій“ (напечат. въ Москвѣ, 1656 г.), возобновленная изданіемъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія трудами преосв. архіепископа Нижегородскаго Вениамина (Ручовскаго), подъ заглавіемъ: „Новая Скрижаль“, еще нѣсколько разъ потомъ издававшаяся (1848, 1859, 1870, 1873 гг.), до послѣдняго времени служила главнымъ

руководствомъ по литургикѣ. Было не мало частію самостоятельныхъ, частію переводныхъ трудовъ и другихъ нашихъ отечественныхъ ученыхъ по части науки о богослуженіи и церковной археологии, каковы: 1) митрополита *Гавріила* (Петрова): „О служеніи и чиноположеніяхъ Православныя Греко - Россійскія Церкви“. Спб. 1792 (потомъ гакже издаваемо было не разъ); 2) *Иродіона Вичтринскаго*: „Памятники древней христіанской Церкви“ и проч. (переводъ труда помянутаго англійскаго ученаго Бингама—„*Origines, seu antiquitates ecclesiasticae*“, Тт. I—V, Спб. 1829—1845); 3) *И. Дмитревскаго*:—„Историческое, догматическое и таинственное изъясненіе на литургію“ и пр. (М. 1803. Другія изданія: 1807, 1812, 1818, 1856); труды протопореевъ *Дебольскаго*, *Середичскаго* (последняго по преимуществу о богослуженіи западной церкви), Владиславлева, преосвященныхъ: Игнатія, архиепископа Воронежскаго, Филарета, архиепископа Черниговскаго, профессоровъ: Дотоцкого, Бобровническаго, Мансветова и др.

Начало учено-литературной дѣятельности о. К. Т. Никольскаго положено было въ 1850-хъ годахъ, а интересъ къ наукѣ о богослуженіи и церковной археологии возбужденъ былъ въ немъ и еще раньше того, какъ можно видѣть изъ статьи самого о. Никольскаго подъ заглавіемъ: „Составленіе перваго русскаго руководства по церковной археологіи“ (стр. 33 отд. оттиска), напечатанной въ *Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества*—т. X, вып. 2. (Спб. 1881) ¹⁾. Въ 1858 году вышелъ изъ печати первый серьезный трудъ о. К. Т. Никольскаго, подъ заглавіемъ: „Обозрѣніе богослужебныхъ книгъ Православной Россійской Церкви по отношенію ихъ къ церковному уставу“, сразу обратившій на себя вниманіе ученаго міра ²⁾,

¹⁾ Въ этой статьѣ раскрывается и архивная, такъ сказать, история перваго русскаго руководства по церковной археологіи, т. е. помянутой Скрижали Никоновской, съ продолженіемъ ея въ Скрижали Веняминовской.

²⁾ Смъ напр. ссылки на него въ извѣстномъ трудѣ преосвящ. Филарета, архиепископа Черниговскаго „Историческій обзоръ писнопѣвцевъ и писнопѣвца греческой Церкви“, стр. III, примѣч. Спб. 1860

Вышедшій ранѣ сего трудъ о. Никольскаго: „Краткое обозрѣніе богослужебныхъ книгъ Православной Россійской Церкви“. Спб 1856 г 8°, стр 48, не имѣть приписанія на научное значеніе.

не смотря на то, что дотолѣ уже существовало, не въ одномъ изданіи вышедшее и бывшее въ свое время классическимъ, изслѣдованіе подѣ заглавіемъ: „Историческое обозрѣніе бого-служебныхъ книгъ Греко-Россійской Церкви (Кіевъ, 1836; 2-е изд.—тамъ же, 1853). Этотъ первый печатный трудъ о. Пикольскаго въ области науки о богослуженіи, обнимающій собою книги, относящіяся къ общественному и частному богослуженію, простыя и нотныя, кромѣ обстоятельнаго обозрѣнія самыхъ книгъ, бібліографическаго, такъ сказать, и церковно-археологическаго, содержитъ еще въ концѣ довольно важное, по своему времени, приложение: алфавитные указатели — а) „молитвословіи, пѣснопѣній и т. п., упоминаемыя въ Обозрѣніи“ и б) „писателей, молитвословіи и пѣснопѣній, содержащихся въ богослужебныхъ книгахъ Православной католической восточной Церкви“. Достоинство этого труда таково, что при введеніи въ дѣйствіе уставовъ среднихъ и низшихъ духовно-учебныхъ заведеній 1867 г., онъ поставленъ былъ въ ряду немногихъ другихъ трудовъ русскихъ ученыхъ въ качествѣ пособия при преподаваніи литургики въ духовныхъ семинаріяхъ ¹⁾. Изъ этого обстоятельнаго „Обозрѣнія“ авторомъ скоро выработано было, очевидно имѣвшее съ нимъ тѣсную связь по подготовительнымъ работамъ, „Краткое обозрѣніе богослужебныхъ книгъ Православной Церкви, по отношенію ихъ къ Церковному Уставу, съ приложеніемъ таблицъ, изображающихъ всендневныя службы и словаря названій молитвословіи и пѣснопѣній церковныхъ“, вышедшее первымъ изданіемъ въ 1864 г. въ С.-Петербургѣ ²⁾; затѣмъ вторымъ, исправленнымъ и дополненнымъ, тамъ же въ 1890; третьимъ въ 1892 и четвертымъ въ 1895 году. Само собою разумѣется, что это „Краткое обозрѣніе“ (содержащее въ себѣ напр. въ 4 изданіи лишь II+119+64 стран. въ осьмушку малаго формата, тогда какъ пространное „Обозрѣніе“ занимаетъ II+434 страницы осьмушки большого формата) не могло имѣть и не

1) См. „Сборникъ Отзывовъ Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ“ о сочиненіяхъ, одобренныхъ для учебныхъ заведеній духовнаго и другихъ вѣдомствъ“, стр. 387, Спб. 1877.

2) Словаря въ приложеніи къ первому изданію не было. Этотъ Словарь и отдѣльно издаваемъ былъ, напр при 4-мъ изд. „Краткаго Обозрѣнія“ (1895 г.). Этотъ словарь приложенъ въ *третьемъ* изданіи (Спб. 1895 г.).

имѣеть такого научнаго значенія, какъ „Обозрѣнiе“ пространное. Но оно имѣеть свое, и весьма важное, значенiе. Оно есть справочная, классическая книга, изданная какъ учебное руководство для училищъ духовнаго вѣдомства.

Вскорѣ послѣ „Обозрѣнiя“, именно въ 1862 году вышелъ первымъ изданiемъ другой еще болѣе обширный и важный въ научномъ и практическомъ отношенiи трудъ о. Никольскаго подъ заглавiемъ: „Пособiе къ изученiю Устава богослуженiя Православной Церкви“. Этотъ новый трудъ, съ одной стороны, находился въ тѣсной связи съ предшествующимъ, ибо „въ знающемъ церковный Уставъ“ прежде всего предполагается знакомство съ богослужебными книгами, умѣнье понимать сокращенныя и собственно церковныя названiя молитвословiй, и по этимъ названiямъ находить въ различныхъ мѣстахъ разныхъ богослужебныхъ книгъ то, что предписано Уставомъ, касательно богослуженiя, въ извѣстное время и при извѣстныхъ случаяхъ“ (предисловіе къ „Пособiю“) ¹⁾, а съ другой—въ очень значительной мѣрѣ пополнялъ собой науку о богослуженiи ученiемъ „о храмѣ, его частяхъ и принадлежностяхъ“ (ч. I) и о самомъ „богослуженiи“, общественномъ и частномъ во всѣхъ его видахъ и по всѣмъ временамъ, въ которыя оно совершается (ч. III). Это „Пособiе“, еще болѣею снабженное ученостiю, нежели помянутое „Обозрѣнiе“, всюду основанное на первоисточникахъ и твердыхъ научныхъ данныхъ, еще болѣею, нежели „Обозрѣнiе“, извѣстность получило и въ мiрѣ ученомъ и въ мiрѣ учебномъ. Еще въ первомъ своемъ изданiи оно, указомъ Св. Синода отъ 20 августа 1868 года, рекомендовано было въ качествѣ учебнаго пособiя при преподаванiи литургики въ духовныхъ семинарияхъ. А между тѣмъ уже въ 1865 году понадобилось и второе его изданiе; затѣмъ въ 1874 году оно вышло третьимъ, „исправленнымъ и дополненнымъ“, изданiемъ, въ каковомъ изданiи, на основанiи отзыва Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ ²⁾, циркулярнымъ указомъ Святѣйшаго Синода отъ 4 апрѣля

1) Въ „Пособiи“ цѣлая II часть и посвящена ученiю „О богослужебныхъ книгахъ“, изложенному въ томъ же духѣ и тонѣ, какъ въ „краткомъ“ и пространномъ „Обозрѣнiи“ ихъ и въ томъ же порядкѣ.

2) Смъ помянутый выше „Сборникъ отзывовъ Учебнаго Комитета“ при Св. Синодѣ, стр. 403—409

1875 года, одобрено было въ качествѣ учебнаго пособия не только для семипарій при преподаваніи литургики, но и для духовныхъ училищъ при преподаваніи церковнаго Устава ¹⁾. Потребность въ этой, очень большой по объему, книгѣ ²⁾ оказалась такъ велика, что въ 1888 году, она вышла 4-мъ, а въ 1894 г. — пятымъ, опять „исправленнымъ и дополненнымъ“, изданіемъ, съ алфавитнымъ указателемъ въ концѣ книги. Книга настолько обильна содержаниемъ, не смотря на скромность и ограниченность заглавія ³⁾, заключаетъ въ себѣ такъ много литургическаго матеріала и церковно-археологическихъ разсужденій и замѣтокъ, полемическихъ (противъ раскольниковъ и прогестантовъ напр.) указаній и проч., что кромѣ практическаго, учебнаго, и научное значеніе ея совершенно бесспорно. По справедливому замѣчанію ученаго критика одного изъ трудовъ о. К. Т. Никольскаго, покойнаго академика П. П. Срезневскаго, „книга эта можетъ быть зачаткомъ труда гораздо болѣе обширнаго, въ нѣсколько такихъ книгъ, труда, который достойнымъ образомъ можетъ быть выполненъ только примѣненіемъ ко всѣмъ частямъ его приѣмовъ изслѣдовательной науки и разработкой отдѣльныхъ вопросовъ по памятникамъ“ ⁴⁾.

И составитель „Пособія къ изученію Устава богослуженія Православной Церкви“ дѣйствительно потщился представить нѣсколько опытовъ такого научнаго рѣшенія отдѣльныхъ вопросовъ, основаніе которымъ положено было въ этомъ „Пособіи“ (Спб. 1894), въ главѣ „о храмѣ, его частяхъ и принадлежностяхъ“, и именно объ алтарныхъ

¹⁾ См. тамъ же, стр. 409.

²⁾ Во второмъ, также исправленномъ и дополненномъ, изданіи было 50 печатныхъ листовъ; въ 3-мъ—52, а въ послѣднемъ, пятомъ, почти 54 л. или XV+853.

³⁾ Впрочемъ, уже въ началѣ преисловія авторъ ясно указываетъ, что подъ уставомъ у него разумѣется отнюдь не одна лишь книга богослужебная, именуемая „Тиникономъ“ или „Уставомъ“ съ ея исключительнымъ содержаніемъ, а общій, уставомъ Церкви Христовой опредѣленный, порядокъ богослуженія, со всеми главнѣйшими принадлежностями послѣдняго, какъ это видно и изъ приведеннаго выше оглавленія содержанія частей книги.

⁴⁾ См. 16-ое присужденіе Уваровскихъ премій, стр. 207 рецензии П. П. Срезневскаго о сочиненіи о. Никольскаго „Объ антикинсахъ“. Спб. 1874.

принадлежностяхъ, идетъ рѣчь объ антиминсѣ, но по задачѣ труда говорится о немъ только слѣдующее: „На ипиконъ полагается и имъ завертывается *антиминсѣ*, шелковый (прежде льняной) платъ съ изображеніемъ Господа во гробѣ. Антиминсѣ есть какъ бы самый престолъ. Слово антиминсѣ (*anti* — вмѣсто и *trona* — престолъ) значитъ сопрестоліе, вмѣстопрестоліе. Подобно престолу и антиминсѣ называется трапезою. Онъ раскрывается только на литургіи, и именно предъ началомъ литургіи вѣрныхъ, и закрывается въ концѣ ея. Безъ него не совершается литургіи. Онъ и замѣняетъ собою престолъ, когда, напримѣръ, во время божественной литургіи загорится церковь или отъ бури, или отъ иныхъ причинъ начнетъ падать. Тогда іерей сохраннымъ съ антиминсомъ да возьметъ Святая, и да изыдетъ изъ церкви, и на иномъ мѣстѣ честномъ, на томъ же антиминсѣ да совершитъ божественную службу, наченъ съ мѣста, его же исходя преста (извѣст. Учит. въ Служебн. о случаяхъ недостаточества служащаго священника).

Въ *антиминсѣ* влагаются *части мощей*—святыхъ, и такимъ образомъ, при совершеніи безкровной жертвы, на престолѣ Господь почиваетъ на пострадавшихъ по немъ честныхъ мученицѣхъ“¹⁾.

Къ этому относятся столь же краткія, но вполне достаточныя для подтвержденія и доказательства изложенныхъ мыслей объ антиминсѣ, и подстрочныя примѣчанія, и имено одно изъ нихъ относится къ наименованію антиминса трапезою (стр. 8), а другое—къ объясненію конца приведенной рѣчи объ антиминсѣ (стр. 9)²⁾. Но вотъ эта краткая, занимающая всего лишь одну страницу, рѣчь выростаетъ въ цѣлую специальную большую книгу „Объ антиминсахъ Православной Русской Церкви“. Спб. 1872 г. Въ большую осьмушку. Стр. 383 и съ приложеніемъ 25-ти рисунковъ антиминсовъ—писанныхъ и печатныхъ. Въ этомъ сочиненіи „съ подобающею ученостію, раскрывается—происхожденіе и древность антиминсовъ (стр. 1 и дал.); значеніе анти-

¹⁾ Срав. также объ антиминсѣ въ примѣч. 24 къ стр. 18-й — „Обозрѣнія богослужебныхъ книгачъ“ (изд. 1858 г.).

²⁾ Срав. также объ антиминсѣ въ примѣч. 24 къ стр. 18-й — „Обозрѣнія богослужебныхъ книгачъ“ (изд. 1858 г.)

минса, какъ жертвенника (стр. 21 и дал.); чинъ освященія антиминса (—30 и дал.); обстоятельства, по которымъ были получаемы отъ архіерсея освященные антиминсы—подвижные (—61 и дал.), и не подвижные (—81 и дал.); храненіе старыхъ антиминсовъ (—100 и дал.); матерія и величина антиминсовъ, нашивные углы на нихъ и развертываніе антиминса на литургіи (—107 и дал.); рисунки на антиминсахъ (—229 и дал.); лица, приготовлявшія антиминсы къ освященію, хранящія ихъ по освященіи и доставляющія ихъ во храмъ (—260 и дал.); плата за антиминсы (—267 и дал.); сверхъ того, въ приложеніи находятся: опись антиминсамъ, находящимся въ ризницѣ Александроневской Лавры (—293 и дал.), вѣдомость, представленная въ Святѣйшій Синодъ преосвящ. Веніаминомъ, архіепископомъ С.-Петербургскимъ, въ 1862 году о томъ, сколько въ С.-Петербургѣ и у кого именно въ партикулярныхъ домахъ состоитъ церквей и въ какое именованіе (—377 и дал.), вѣдомость о церквахъ, въ которыя разосланы были антиминсы, отпечатанные съ грядорованной доски, 1752—1754 (379 и дал.), и перечень приложенныхъ рисунковъ. Надобно замѣтить, что антиминсы Православной Русской Церкви дотолѣ не были предметомъ особеннаго, именно историческаго изслѣдованія, при чемъ главнымъ источникомъ для него служили дѣла архива Св. Синода, а важнѣйшимъ предметомъ для изслѣдованія—собраніе антиминсовъ, хранящихся въ ризницѣ Александроневской Лавры, которымъ и опись сдѣлалъ первый авторъ (см. выше). Рисунки антиминсовъ скопированы (контуромъ) и выгравированы на камнѣ художникомъ А. А. Рѣдковскимъ. Между печатными рисунками намѣренно не приложены лишь тѣ, печатаніе которыхъ началось въ нынѣшнемъ столѣтіи и еще находящіяся въ „Трудахъ перваго Московскаго Археологическаго Съѣзда“ 1869 г. Конечно, въ изслѣдованіи о. Никольскаго не помянуто и еще нѣкоторыхъ древнихъ антиминсовъ. Но этого нельзя ставить въ вину изслѣдователю, который не обязанъ былъ знать всѣ существующіе по всей Россіи антиминсы, а могъ вполне удовлетвориться, для построенія системы своего изслѣдованія, имѣвшимися у него подъ руками, съ помощію уже весьма важныхъ по центральному положенію Св. Синода Русской Церкви данныхъ Синодаль-

наго архива и хранищихся близъ этого центрального учрежденія, въ Александро-Невской Лаврѣ, образцовъ антиминовъ. Научное значеніе разсматриваемаго труда уже при первомъ появленіи его на свѣтъ признано самою Академіею Наукъ, присудившею автору его Уваровскую премію, на основаніи лестнаго отзыва одного изъ своихъ сочленовъ (академика Срезневскаго).

Точно то-же должно сказать и о другомъ ученомъ трудѣ о. Никольскаго, подъ заглавіемъ: „Анаеоматствованіе (отлученіе отъ церкви), совершаемое въ первую недѣлю великаго поста. Историческое изслѣдованіе о чинѣ православія“. Спб. 1879. Въ „Пособіи къ изученію устава богослуженія“ этотъ „чинъ“ изложенъ на трехъ небольшихъ страницахъ (по изд. 1894 г. стр. 580 — 583), причемъ авторъ раскрываетъ лишь установленный церковью порядокъ анаеоматствованія, совершаемаго въ недѣлю православія, но не касается исторіи его, редакціей самаго чина и пр. Не то въ помянутомъ сейчасъ специальномъ трудѣ объ этомъ чинѣ. Онъ опять представляетъ цѣлую книгу въ большую осьмушку, въ VI + 314 страницъ и послѣ предисловія, обсуждающаго предшествовавшія изслѣдованія другихъ писателей о чинѣ православія и указывающаго матеріалы для собственнаго изслѣдованія автора, разсуждаетъ объ употребленіи анаемы въ христіанской церкви до IX вѣка, т. е. до раздѣленія церковей и начала торжественнаго анаеоматствованія по случаю иконоборческой ереси (стр. 1 и дал.); — о составленіи чина православія, добавленіяхъ и измѣненіяхъ въ немъ, печатныхъ и рукописныхъ чинахъ (стр. 13 и дал.); — о молебномъ пѣніи¹⁾, совершавшемся до 1766 года (стр. 53 и дал.) и послѣ 1766 года²⁾ (—72 и дал.); — о Синодикѣ, содер-

1) Чинъ православія и представляетъ собой молебны и благодарственныя пѣніе, совершаемое предъ началомъ литургии.

2) 1766 годъ важенъ въ исторіи чина православія, но крайней мѣрѣ у насъ въ Россіи, тѣмъ, что въ этотъ годъ Св. Синодъ, въ видахъ установленія единообразія въ семь чинѣ, значительно измѣнилъ весь прежній чинъ православія, при чемъ главное измѣненіе заключалось въ томъ, что дотолѣ молебное пѣніе чина православія совершалось внѣ храма, за апсидою, а съ 1766 года въ самомъ храмѣ. Этотъ измѣненный въ 1766 г. чинъ, почти безъ всякихъ дальнѣйшихъ измѣненій, совершается и донинѣ въ соборныхъ церквахъ архіереями.

жащемъ въ себѣ различныя анаѳематствованія и многолѣтїя (стр. 76 и дал.), и объ анаѳематствованїяхъ, произносившихся кромѣ первой недѣли великаго поста и не внесенныхъ въ чинъ православїя (стр. 272 и дал.). А въ приложенїи говорится объ иконѣ Св. Софіи Премудрости (—291,—и дал.)—въ разъясненїе къ приложенному въ началѣ книги рисунку ¹⁾,—и о Кїевскомъ и Черниговскомъ чинахъ православїя (стр. 295 и дал.). Не смотря на то, что еще до появленїя труда о. Никольскаго уже было извѣстно въ печати нѣсколько изслѣдованїй и статей о чинѣ православїя и анаѳематствованїй, и всѣ онѣ были хорошо извѣстны автору труда (см. его предисловіе), его трудъ не только не былъ излишнимъ у насъ въ Россїи, но и необходимымъ, ибо собственно полной исторїи этого чина у насъ не было. И ученый рецензентъ, разсматривавшїй этотъ трудъ по представленїи его въ Академію Наукъ на соисканїе Уваровской премїи, профессоръ протоіерей М. И. Горчаковъ совершенно справедливо замѣтилъ въ своемъ отзывѣ, что „сочиненїе о. Никольскаго представляетъ *первый* въ церковно-исторической литературѣ *опытъ ученаго изслѣдованїя исторїи чина православїя*, составленный большею частїю на основанїи не только неизданныхъ въ печати, но и остававшихся долгое время въ неизвѣстности, забытыхъ или тщательно скрывавшихся матеріаловъ, относящихся до сего предмета“ ²⁾, и вообще считаетъ книгу о. Никольскаго „весьма цѣннымъ прїобрѣтенїемъ въ области церковно-исторической и литургической русской литературы“ ³⁾.

Третьимъ, болѣе другихъ крупнымъ ученымъ трудомъ о. протоіеря Никольскаго является сочиненїе: „О службахъ русской церкви, бывшихъ въ прежнихъ печатныхъ богослужебныхъ книгахъ“. Спб. 1885. Въ большую осьмушку,

1) По древнему чину православїя протоіакоу, по прочтенїи Синодика, подносилъ архїерею для цѣлованїя икону Св. Софіи Премудрости Божїей, находившуюся на переплетѣ книги Новгородскаго Синодика 1632 года (стр. 28, ср. 60. 291)

2) См. 23-е присужденїе Уваровскихъ премїй отъ Императорской Академіи Наукъ, стр. 213. Спб. 1881.

3) Сокращенное изложенїе того же „чина“ можно видѣть и въ статьѣ того же о. Никольскаго, помещенной въ *Прибавл. къ Церк. Вѣдом.* изд. при Св. Синодѣ, 1888 г., № 11, стр. 284—288, г. I.

стр. II+411, съ приложеніемъ двухъ литографическихъ рисунковъ дѣйства въ недѣлю Ваіи въ Московскомъ Кремлѣ, извлеченныхъ изъ путешествій Ад. Олеарія и барона Мейерберга. Такъ какъ едва не каждая изъ службъ и чиновъ, бывшихъ въ прежнихъ печатныхъ богослужебныхъ книгахъ и теперь не совершающихся въ Православной Церкви, а потому не печатающихся въ нынѣшнихъ книгахъ, можетъ и должна бы составлять предметъ особаго изслѣдованія; для полного же обслѣдованія ихъ едва-ли еще и наступило время, ибо не только не изданы весьма многія, хранящіяся въ разныхъ бібліотекахъ, рукописныя богослужебныя книги, но и далеко не всѣ описаны съ надлежащею обстоятельностью: то о. Никольскій ограничился въ настоящемъ своемъ трудѣ изложеніемъ лишь особенностей богослуженія, бывшаго въ Русской Церкви въ прежнее время, а именно-разсмотрѣніемъ службъ, содержащихся главнымъ образомъ въ Служебникахъ и Потребникахъ Московскихъ изданій, каковы: „молитва, егда поставятъ митрополита и входитъ первѣе во градъ“ (стр. 1 и дал.); — „чинъ дѣйства въ недѣлю Ваіи“ (стр. 45 и дал.); — „чинъ лѣтопроводства“¹⁾ (стр. 98 и дал.); — „чинъ пещнаго дѣйства“ (—169 и дал.); — „чинъ дѣйства страшнаго суда“ (—214 и дал.); — „чинъ за приливокъ о здравіи царя“ (—237 и дал.); — „чинъ омыти мощи Святыхъ, или крестъ мочити“ (—257 и дал.); „последованіе о причащенія святаго воды великаго освященія, на Богоявленіе“ (стр. 287 и дал.); — „чинъ на очищеніе церкви, егда песь вскочитъ въ церковь или отъ невѣрныхъ войдетъ кто“ (—297 и дал.) и т. д. Ко всѣмъ этимъ службамъ или чинамъ, сверхъ историческаго изслѣдованія о каждой изъ нихъ, въ книгѣ о. Никольскаго имѣются и приложенія, содержащія въ себѣ выписки изъ тѣхъ или другихъ старинныхъ печатныхъ изданій таковыхъ службъ или изъ рукописей разныхъ временъ, заключающихъ въ себѣ текстъ этихъ самыхъ службъ (или чиновъ). Такимъ образомъ, авторъ даетъ въ книгѣ даже болѣе, нежели сколько обѣщаетъ въ заглавіи (гдѣ указываются только „печатныя“ книги, а не рукописи). Изслѣдованіе также весьма любопытное, „глубоко

¹⁾ Т. е. чинъ празднованія Нового года, которое совершалось въ старину главнымъ образомъ 1 сентября, хотя не забывалось и съ 1 марта

поучительное и вполне научное, въ которомъ изслѣдованіе о каждой службѣ, ведя исторію ея съ древнѣйшихъ временъ, выводя начало ея изъ Греціи и затѣмъ проводя эту исторію до исчезновенія службы въ Россіи, съ указаніемъ причинъ какъ появленія, такъ и исчезновенія ея, наконецъ, будучи обставлено всеи наилучшими документальными данными въ подтвержденіе мыслей автора, представляетъ цѣлое отдѣльное ученое разсужденіе. И такимъ образомъ книга есть сборникъ нѣсколькихъ ученыхъ разсужденій. Это—трудъ, также не имѣвшій для себя предшественника, хотя нѣкоторыя отдѣльныя изъ этихъ службъ или чиновъ, разсмотрѣнныхъ о. Никольскимъ въ его книгѣ, и были предметомъ изслѣдованія со стороны другихъ лицъ. (См. напр. *Вл. А. Сахарова*, въ *Чтен. въ Общ. Любит. Дух. Просв.* 1880 г., статью подъ заглавіемъ: „Очерки церковныхъ дѣйствъ въ древне-восточной Руси“).

Наконецъ, мы не можемъ не упомянуть и еще одного, хотя и менѣе предшествующихъ обширнаго, однако также не маловажнаго научнаго труда о. Никольскаго, вышедшаго въ свѣтъ уже въ 1896 году подъ скромнымъ заглавіемъ: „Матеріалы для исторіи исправленія богослужебныхъ книгъ. Объ исправленіи Устава церковнаго въ 1682 году и мѣсячныхъ миней въ 1689—1691 гг.“. Изданіе Общества любителей древней письменности. Въ осьмушку. 135 страницъ. Этотъ трудъ, подобно предшествующему также не стоящій безъ отношенія къ „Пособію“ и къ „Обозрѣнію богослужебныхъ книгъ“, не смотря на то, что уже много имѣетъ для себя предшественниковъ—изслѣдователей по тому же вопросу, изъ которыхъ главнѣйшихъ имѣетъ въ виду и самъ авторъ труда, представляетъ однако же весьма важныя, не затронутыя у этихъ изслѣдователей, стороны разсматриваемаго предмета; а съ страницы 57 прилагаетъ текстъ бывшаго неизвѣстнымъ доселѣ рукописнаго сообщенія XVII в.: „О исправленіи въ прежде печатаныхъ книгахъ минеахъ нѣкихъ бывшихъ погрѣшеній въ реченіихъ: и о по зависти діавольствѣй бывшей на тая исправленія дживой клеветѣ, и о препятіи дѣла онаго святаго“. Много и другихъ, меньшихъ по объему, но также весьма серьезныхъ и важныхъ въ практическомъ и научномъ отношеніи, и также отпосающихся къ области литургики и церковной ар-

хеологии, изслѣдованій и статей имѣемъ мы отъ о. К. Т. Никольскаго, напечатанныхъ въ повременныхъ изданіяхъ и отдѣльно въ разное время, каковы, кромѣ упомянутаго выше: „Составленіе перваго русскаго руководства по церковной археологій“, напечатанныя въ тѣхъ же *Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества*—томы IX и X (Спб. 1880—1881) изслѣдованія и сообщенія: 1) „Триумфальныя ворота въ Москвѣ у Казанскаго собора, устроенныя Святѣйшимъ Синодомъ въ царствованіе Петра I и Елизаветы Петровны“; 2) „Греческая икона 1771 года, изображающая городъ Іерусалимъ съ его окрестностями“; 3) „Снимокъ съ иконы рѣзной изъ кости, находящейся въ Успенской, что на Сѣнной, церкви въ С.-Петербургѣ“; а равно и въ другихъ изданіяхъ, какъ то: 4) „О часовняхъ“—въ *Церковныхъ Вѣдомостяхъ*, изд. при Св. Синодѣ за 1889 г. №№ 10 и 11;—5) „О священныхъ одеждахъ церковнослужителей“—въ *Христіанскомъ Читеніи* 1889 г., № 3—4 и др.

Въ своихъ учено-литературныхъ трудахъ о. К. Т. Никольскій является со всѣми, присущими истинному ученому, достоинствами.

Сюда принадлежать: 1) *Самостоятельность* изслѣдованія. Вездѣ о. Никольскій опирается не столько на результаты изслѣдованія другихъ ученыхъ, сколько на собственныхъ кропотливыхъ историко-археологическихъ изысканій въ области древней письменности, рукописной и печатной, на возможно болѣе твердыхъ церковныхъ установленійхъ, первоисточникахъ (богослужебныхъ книгахъ) и документальныхъ данныхъ. нерѣдко пролагая первые пути научнаго изслѣдованія въ отдѣльныхъ вопросахъ, то соглашаясь съ наиболѣе важными и внушительными авторитетами учепости, а то не соглашаясь съ ними и идя своею дорогою ¹⁾).

2) *Обиліе новыхъ научныхъ данныхъ*, во многомъ долѣ неизвѣстныхъ, сообщаемыхъ о. Никольскимъ, особенно въ разсмотрѣнныхъ выше 4-хъ главнѣйшихъ, а частію и

¹⁾ Въ доказательство этого мы можемъ указать на слѣдующія мѣста изъ сочиненій о. Никольскаго: „Пособіе“, стр. 524. Прим. 1 (5 изд.), „Анаематев.“ стр. 60, прим. 1; „Службы“, стр. 56—58 примѣч.; 117, прим. 1; 173, 2; 176, 1 и др.—„Материалы“, стр. 22, прим. 2; 37, 1, 41, 1 и особенно стр. 53 и ми. др.

въ другихъ ¹⁾ его ученыхъ трудахъ. Онъ въ этихъ своихъ трудахъ разрабатываетъ главнымъ образомъ рукописный и архивный, слѣдовательно, сырой матеріалъ или беретъ за основаніе для своихъ изслѣдованій почти неупотребительныя нынѣ старопечатныя книги; а охотниковъ браться за такую нелегкую и утомительную, но въ то же время весьма важную въ научномъ отношеніи, работу находится очень мало.

3) *Обширность* свѣдѣній въ области литературы предмета у о. К. Т. Никольскаго поражаетъ всякаго, хотя скольконибудь знакомаго съ его трудами ²⁾. При этомъ изъ всего видно, что онъ и постоянно съ живостію слѣдилъ и слѣдитъ за литературою своего предмета и въ позднѣйшихъ своихъ изданіяхъ заботливо пополняетъ ее ³⁾.

4) *Трудолюбіе* и *пастойчивость* о. Никольскаго въ изученіи избраннаго имъ для обслѣдованія предмета съ литературою послѣдняго также заслуживаютъ полнаго одобренія и глубокаго къ себѣ уваженія. Постояннымъ, пастойчивымъ, многолѣтнимъ изученіемъ сего предмета онъ достигъ того, что къ нему, какъ авторитетному знатоку его, и высшее духовное начальство обращается нерѣдко съ порученіями составить какое либо руководство, сдѣлать опредѣленіе по какому либо частному предмету въ области

¹⁾ Напр. въ упомянутыхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ *Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества*.

²⁾ Кромѣ рукописныхъ и архивныхъ данныхъ, кромѣ богослужебныхъ книгъ разныхъ видовъ и изданій, въ области коихъ авторъ всюду является полнымъ хозяиномъ прѣчета и авторитетнымъ знатокомъ, онъ вездѣ въ своихъ трудахъ является широко и хорошо ознакомленнымъ какъ съ документальною литературою (Лѣтописи, Акты Историческіе съ дополненіями къ нимъ, Акты Археографической Экспедиціи, Акты историко-юридическихъ свѣдѣній, и т. д.), такъ и съ классическими произведеніями по бібліографіи (Сопиковъ, Строевъ, Востоковъ, Ундольскій, Горекій и Невоструевъ и др.), по литургикѣ и церковной археологіи собственно (Bingham, Nabes, Coar и др. изъ иностранныхъ, митроп. Гавріилъ, архіепископы: Вениаминъ (Румовскій), Пинагин (Семеновъ), Дмитревскій и мн. др. изъ русскихъ), по исторіи русской Церкви (Епископъ Амвросій (Орнатскій), митроп. Маларій Булаковъ и др.) и русскаго государства (Карамзинъ, Погодинъ, Соловьевъ) и т. д.

³⁾ Такъ напр. въ 5-мъ изданіи „Пособія къ изученію Устава“ (Спб. 1894) литература эта у о. Никольскаго доходитъ до 1893 года, а въ позднѣйшихъ трудахъ достигаетъ и еще болѣе новаго времени.

науки о богослуженіи и под. ¹⁾), и отдѣльные представители ученаго міра, а также вообще люди, которымъ, какъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ, близки и дороги предметы и вопросы богослуженія, обращаются къ нему за совѣтами и разрѣшеніемъ тѣхъ или другихъ недоумѣній и вопросовъ. Рѣшеніе многихъ, возникающихъ на практикѣ, недоумѣній и вопросовъ въ обширной области предметовъ науки о богослуженіи можно находить и въ разсмотрѣнныхъ печатныхъ трудахъ о. Никольскаго ²⁾).

5) Долговременное служеніе о. Никольскаго пользамъ учебныхъ заведеній чрезъ употребленіе въ нихъ его трудовъ въ качествѣ руководствъ и пособій ясно свидѣтельствуется и о *воспитательномъ* значеніи учено-литературной дѣятельности его, о *плодотворномъ служеніи* его благу общему.

Принимая все это во вниманіе, а равно и то, что учено-литературная дѣятельность о. протоіерея Никольскаго получила почетную извѣстность не только въ Россіи, но и за границами ея ³⁾), Комmissія приходитъ къ заключенію, что если за одно какое либо отдѣльное сочиненіе ученое, соответствующее научнымъ требованіямъ, присуждается высшая ученая степень, то о. К. Т. Никольскому, за нѣсколько ученыхъ работъ и за всю совокупность его учебныхъ и спеціально-ученыхъ трудовъ, притомъ исключительно посвященныхъ, какъ сказано, разработкѣ дорогой для каждаго православнаго христіанина и весьма важной въ научно-богословскомъ и церковно-историческомъ отношеніи области богослуженія съ церковною-археологіею, по всей справедливости слѣдуетъ присудить высшую ученую степень и,

¹⁾ Таковы, напр., вызванныя порученіями высшаго духовнаго Начальства, брошюры о. Никольскаго: „Объ изученіи Церковнаго Устава“ (Сиб. 1896); „Возглашенія на литургіи о царѣ и царскомъ семействѣ“ (Сиб. 1897) и др. Срав. также статьи и замѣтки о. Никольскаго, напечатанныя въ издаваемыхъ при Св. Синодѣ *Церковныхъ Вѣдомостяхъ* за 1888 г. №№ 11 и 16. 1893 г. № 30 и др.

²⁾ См. напр. „Пособія“, стр. 679, прим. 1: 744, 1: 747, 1: 802, 1 и др.

³⁾ См. напр. *Denby et Lacey. De hierarchia anglicana dissertatio apologetica*, p. 4. Londoni, 1895. Здѣсь дѣлается ссылка на „Пособіе къ изученію Устава богослуженія“, какъ на авторитетъ въ вопросѣ о рукоположеніи епископовъ.

соотвѣтственно характеру выше разсмотрѣнныхъ его ученыхъ трудовъ, именно степень доктора церковной исторіи“.

Справка: 1) Означенный отзывъ представленъ Коммиссіею согласно опредѣленію Совѣта отъ 30 октября текущаго года, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ 20 ноября. 2) По § 143 устава духовныхъ академій „лица, пріобрѣтшія извѣстность отличными по своимъ достоинствамъ учеными трудами, возводятся въ степень доктора безъ испытанія“. 3) По § 141 того же устава „удостоенные докторской степени носятъ наименованіе доктора или богословія, или церковной исторіи, или каноническаго права, соотвѣтственно отличительному характеру ихъ ученыхъ трудовъ, или представленной диссертациі“. 4) § 81 лит. в п. 6. того же устава

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ о возведеніи протоіерея С. Петербургской Успенской, что на Сѣнной, церкви, магистра богословія, о. Константина Никольскаго въ степень доктора церковной исторіи. 2) Копію съ отзыва Коммиссіи объ ученыхъ трудахъ о. протоіерея Никольскаго приложить къ журналу настоящаго собранія, для представленія въ Святѣйшій Синодъ.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „Дек. 31. Принимаю на себя ходатайство, согласно первому пункту опредѣленія совѣта; отзывы приложить.

Того же числа.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ ректора академіи архимандрита Лаврентія, инспекторъ академіи и. д. ординарнаго профессора архимандритъ Арсеній и члены Совѣта академіи, кромѣ профессоровъ: В. Ключевскаго, П. Корсунскаго, А. Голубцова, не присутствовавшихъ по болѣзни, и А. Введенскаго, находящагося въ заграничной командировкѣ.

Слушали: I. а) Отношеніе Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 27 ноября за № 7260: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 20 ноября 1897 года докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, кандидатъ Московской духовной академіи Григорій *Богоявленскій*, состоявшій надзирателемъ въ Поше-

хонскомъ духовномъ училищѣ, опредѣленъ на должность помощника инспектора въ Вятскую духовную семинарію.

Канцелярія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода долгомъ поставляетъ сообщить о семъ Совѣту академіи для свѣдѣнія и зависящаго распоряженія“.

б) Отношеніе Кишиневской духовной Консисторіи отъ 2 декабря за № 19339: „Кишиневская духовная Консисторія вслѣдствіе отношенія Понечителя Одесскаго Учебнаго Округа, отъ 22 ноября сего года за № 16122, честь имѣетъ увѣдомить Совѣтъ академіи, что кандидатъ богословія Московской духовной академіи Юсифъ *Кречетовичъ* назначенъ на должность законоучителя Байрамчской учительской семинаріи“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

II. Вѣдомость о ректора академіи *архимандрита Лаврентія* о пропущенныхъ наставниками академіи лекціяхъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ текущаго года, изъ которой видно, что а) *по болѣзни*: заслуженный ординарный профессоръ Василій Ключевскій опустилъ 6 лекцій, исправляющій должность доцента Илья Громогласовъ и доцентъ Василій Мышцынъ— по 4 лекціи, исправляющій должность доцента и лекторъ французскаго языка Павелъ Соколовъ—5 лекцій, экстраординарный профессоръ Герошей Татарскій—2 лекціи, исправляющій должность ординарнаго профессора инспекторъ академіи архимандритъ Арсеній, экстраординарный профессоръ Василій Соколовъ, доцентъ и лекторъ англійскаго языка Анатолій Спасскій, доцентъ Иванъ Андреевъ и исправляющій должность доцента Сергѣй Смирновъ— по 1 лекціи; б) *по семейнымъ обстоятельствамъ*: экстраординарный профессоръ Иванъ Корсунскій—2 лекціи; в) *по нахожденію въ отпуску*: доцентъ Иванъ Андреевъ— 6 лекцій; заслуженный ординарный профессоръ Петръ Цвѣтковъ— 3 лекціи и экстраординарный профессоръ Василій Соколовъ— 1 лекцію и г) *по случаю исполненія обязанностей присяжнаго засѣдателя въ окружномъ судѣ*: экстраординарный профессоръ Александръ Бѣляевъ и доцентъ Иванъ Поповъ— по двѣ лекціи и экстраординарный профессоръ Александръ Шостыинъ— 1 лекцію. — Съ 14 числа ноября мѣсяца, вслѣдствіе увольненія отъ службы при академіи испр. вѣяющаго должность ординарнаго, за-

служеннаго профессора Петра Казанскаго, прекращено чтение лекцій по исторіи философіи.

Опредѣлили: Вѣдомость напечатать виѣстѣ съ журналами Совѣта академіи.

Ш. а) Отношеніе Коммисіи печатанія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ при Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ отъ 9 декабря за № 823: „Коммиссія печатанія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ при печатаніи одного своего изданія встрѣтила нужду въ ознакомленіи съ двумя хранящимися въ Библіотекѣ Академіи рукописями: № 432 Волоколамскаго монастыря и № 145 фундаментальной библіотеки.

Въ виду того, что свѣдѣнія, находящіяся въ сихъ рукописяхъ, необходимо должны быть приняты во вниманіе, Коммиссія покорнѣйше просить Совѣтъ Московской духовной академіи доставить означенныя рукописи въ Архивъ на мѣсячный срокъ, по истеченіи коего онѣ немедленно въ полной сохранности будутъ возвращены обратно“.

б) Отношеніе о. ректора Казанской духовной академіи отъ 4 декабря 1897 года за № 2132: „Имѣю честь покорнѣйше просить Совѣтъ Московской духовной академіи выслать для научныхъ занятій профессорскаго стипендіата академіи Крестникова: „Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie XXXVI, Bd. II и XXXVII, 2, 1894, срокомъ на три мѣсяца“.

в) Отношеніе Совѣта Казанской духовной академіи отъ 9 декабря за № 2141: „Совѣтъ Казанской академіи покорнѣйше просить Совѣтъ Московской академіи выслать на трехмѣсячный срокъ для научныхъ занятій профессорскаго стипендіата Сперанскаго сочиненіе Вл. Соловьева: „Исторія и будущность теократіи“ т. I. (Философія библейской исторіи“).

Опредѣлили: Выслать по принадлежности требуемыя рукописи, журналъ и книгу на означенные въ отношеніяхъ сроки.

IV. а) Отношеніе ректора Императорскаго Казанскаго Университета отъ 27 ноября за № 3540, при коемъ препровождено по 1 экземпляру диссертациі П. А. Климова и брошюры: „Годичный актъ въ Казанскомъ Университетѣ 5 ноября 1897 года“.

б) Отношеніе ректора Императорскаго Томскаго Университета отъ 28 ноября за № 4231, при коемъ препровожденъ экземпляръ XII книги „Извѣстій Императорскаго Томскаго Университета“.

Опредѣлили; Книги и брошюры сдать въ фундаментальную академическую библіотеку и благодарить за пожертвованіе ихъ.

V. Донесеніе библіотекаря академіи Николая *Колосова*: „Честь имѣю донести Совѣту академіи о слѣдующихъ пожертвованіяхъ, поступившихъ въ библіотеку:

1. Отъ гг. профессоровъ академіи журналы за 1896 годъ: „Русское Обозрѣніе“, кн. 6—9, 11, 12; „Русскій Вѣстникъ“, кн. 5, 6, 8 и 10; „Русская Мысль“, кн. 2—9; „Русскій Архивъ“, кн. 1, 3—5, 7, 8, 11 и 12; „Русская Старина“, кн. 1—4, 7—9; „Историческій Вѣстникъ“, кн. 1—8, 10; „Міръ Божій“, кн. 1, 7—12; „Вѣстникъ Европы“, кн. 1—6, 8, 11 и 12; „Сѣверный Вѣстникъ“, кн. 1, 3—5, 7—11; „Русское Богатство“, кн. 1—8.

2. Отъ профессора Академіи А. Голубцова—его брошюры: а) „Церковно-археологическій Музей при Московской духовной академіи“ и б) „Изъ исторіи древне-русской иконописи“.

3. Отъ профессора академіи С. Глаголева—его брошюра: „Астрономія и Богословіе“.

4. Отъ исправляющаго должность доцента академіи П. Соколова—его брошюра: „Банкротство натуралистическаго міросозерцанія и современный нравственно-религіозный кризисъ на Западѣ“.

5. Отъ свящ. Ст. Е. Звѣрева—его брошюры: а) „Слѣды христіанства на Дону въ домовгольскій періодъ“ и б) „Духовное завѣщаніе Святителя Митрофана, Епископа Воронежскаго“.

6. Отъ протоіерея Ст. Остроумова: 1) Lemm, „Bild aus d. Verborgeiheit d. Christenleben“, 2) Koepert, „Lehrbuch d. Poetik“ и 3) Scheuffgen, „Beiträge zu d. Geschichte d. grössten Schismas“.

7. Отъ П. П. Щукина—изданныя имъ „Бумаги, относящіяся до отечественной войны 1812 г.“ ч. 1—2.

8. Отъ священника Д. Ромашкова—его брошюра: „Различные типы школь и образованія, получаемаго въ нихъ современными русскими людьми“.

9. Отъ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета: 1) „Записки историко-филологическаго факультета“, ч. 41 — 45 и 2) Каталогъ русскихъ книгъ библіотеки Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, т. 1-й.

Опредѣлили: Благодарить жертвователей.

VI. Записку профессора Ивана Корсунскаго о выпискѣ книгъ, которыя онъ считаетъ нужнымъ приобрѣсти для академической библіотеки.

Справка: I. Къ выпискѣ представлены слѣдующія книги:

1. Письма *Иннокентія*, Митрополита Московскаго и Коломенскаго, собр. И. Барсуковымъ. Сиб. 1897 г.

2. Творенія *сего же Святителя*, изданныя тѣмъ же Барсуковымъ, тт. 2 и 3-й.

3. *Pollucis*. Onomasticon. Ex recensione I. Bekkeri. 1846.

4. *Sturz*. Lexicon Xenophonticum. T. I — IV. Lipsiae, 1801.

5. *Lycophronis*. Alexandra. Ed. J. Bachmanny. Lipsiae, 1830.

6. *Hartung*. Septuaginta Studien. Bamberg, 1886.

7. *Essen*. Index Thucydideus. Berolini, 1887.

II. Означенныхъ книгъ въ академической библіотекѣ не имѣется.

Опредѣлили: Поручить библіотекарю академіи Николаю Колосову выписать означенныя въ запискѣ профъ Корсунскаго книги и о послѣдующемъ представить Правленію академіи.

Разсуждали: VII. *О выдачѣ изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго П. А. Мухановою, пособій членамъ академической корпораціи.*

Справка: 1) По §§ 4—5 руководственныхъ правилъ при распредѣленіи пособій изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго П. А. Мухановою: „Проценты съ другой части Мухановскаго капитала, въ количествѣ 1187 р. 50 к., назначенныя „на доцолнительныя къ жалованью пособія членамъ академической корпораціи“, ежегодно распредѣляются въ декабрьскомъ засѣданіи Совѣта на пять равныхъ частей, изъ коихъ ежегодно не менѣе трехъ выдается семейнымъ, и не менѣе одной — безсемеиннымъ лицамъ“. — Право на пособіе получаютъ тѣ лица академической корпораціи, которыя прослужили не менѣе 5 лѣтъ, а при ака-

демин не менѣе 2 лѣтъ, при чемъ включается сюда и годъ профессорскаго стипендіатства“.

Опредѣлили: 1) Изъ процентовъ съ капитала П. А. Мухановой, въ количествѣ 1187 р. 50 к., выдать пособія слѣдующимъ лицамъ: а) о. ректору академіи *архимандриту Лаврентію*, состоящему на службѣ съ 1861 года, а при академіи съ 21 іюля 1895 года; б) заслуженному ординарному профессору Василию *Ключевскому*, состоящему на службѣ при академіи съ 1871 года; в) ординарному профессору Николаю *Каптереву*, состоящему на службѣ при академіи съ 1872 года; г) экстраординарному профессору Іероусю *Татарскому*, состоящему на духовно-учебной службѣ съ 1875 года, а на службѣ при академіи—съ 1876 года; и д) лектору нѣмецкаго языка Василию *Лучинину*, состоящему на службѣ при академіи съ 1870 года, по равной суммѣ—237 р. 50 к. каждому. 2) Определеніе сіе представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

УШ. *О назначеніи ассигнованныхъ по смятѣ 1897 года премій для окончившихъ въ минувшемъ учебномъ году курсъ воспитанниковъ академіи*, именно: а—б) премій Митрополита Литовскаго Іосифа въ 165 р. и протоіерея А. И. Невоструева въ 158 р.—за лучшія кандидатскія сочиненія; в) преміи имени протоіерея А. М. Ивапцова-Платонова въ 207 рублей 50 коп.,—за лучшее кандидатское сочиненіе по церковной исторіи; г) преміи имени протоіерея С. К. Смирнова въ 95 рублей—за лучшее кандидатское сочиненіе по русской церковной исторіи; д) преміи Преосвященнаго Димитрія, Епископа Тверскаго и Капшинскаго, въ 76 рублей за лучшее кандидатское сочиненіе преимущественно по описанію жизни и дѣятельности въ Бозѣ почившихъ іерарховъ отечественной церкви и г) преміи протоіерея І. Орлова въ 32 рубля за лучшіе успѣхи въ сочиненіи проповѣдей.

Справка: 1) Относительно присужденія преміи митрополита Литовскаго Іосифа указомъ Святѣйшаго Синода отъ 28 декабря 1873 года за № 3778 предписано: „Преміи назначать, не раздробляя ихъ, въ каждой академіи за кандидатское сочиненіе по какому бы то ни было отдѣленію, признанное лучшимъ изъ представленныхъ студентами при

переходѣ изъ III курса въ IV-й съ тѣмъ, чтобы, согласно воли завѣщателя, выдача премій производилась не прежде, какъ по окончаніи воспитанниками полного академическаго курса“. 2) Премія протоіерея А. П. Невоструева, согласно пункту 1 правилъ относительно употребленія $\frac{1}{10}$ съ пожертвованнаго имъ капитала, присуждается зч то изъ кандидатскихъ сочиненій, которое въ этомъ году признано будетъ Совѣтомъ за лучшее. 3) Положенія о стипендіи и премія имени протоіерея А. М. Иванцова-Платонова п. 10: „Остатки отъ процентовъ со всего стипендіальнаго капитала (сверхъ 220 рублей) выдаются въ одно изъ засѣданій сентябрьской трети за одно изъ лучшихъ кандидатскихъ сочиненій по предмету церковной исторіи, по постановленію Совѣта академіи“. 4) Положенія о премии имени протоіерея С. К. Смирнова п. 2: „Премія выдается чрезъ три года, по усмотрѣнію Совѣта академіи, одному изъ студентовъ за лучшее кандидатское сочиненіе по русской церковной исторіи“. 5) Положенія о преміи Преосвященнаго Димитрія, Епископа Тверскаго и Кашинскаго, § 2: „Премія выдается чрезъ два года, по усмотрѣнію Совѣта академіи, одному изъ студентовъ за лучшее кандидатское сочиненіе преимущественно по описанію жизни и дѣятельности въ Божь почившихъ іерарховъ отечественной церкви“. 6) Изъ окончившихъ въ минувшемъ учебномъ году курсъ воспитанниковъ академіи высшія отчѣтки на проповѣдяхъ имѣютъ: Евгеній Воронцовъ (5, 5, 5, 5), Николай Преображенскій (5+, 4 $\frac{1}{2}$, 5, 5), Николай Школинъ (5, 5—, 5, 5—) и Александръ Павловъ (5, 4 $\frac{1}{2}$, 5, 5). 7) По собраніи голосовъ оказалось, что премія митрополита Литовскаго Іосифа, протоіерея А. П. Невоструева, протоіерея А. И. Иванцова-Платонова, протоіерея С. К. Смирнова (за лучшія кандидатскія сочиненія) и протоіерея Г. Орлова (за лучшіе успѣхи въ сочиненіи проповѣдей) присуждены Совѣтомъ единогласно, а премія Преосвященнаго Димитрія, Епископа Тверскаго и Кашинскаго (за лучшее кандидатское сочиненіе преимущественно по описанію жизни и дѣятельности въ Божь почившихъ іерарховъ отечественной церкви), условіямъ присужденія которой соответствовало единственное сочиненіе, представленное въ минувшемъ учебномъ году на сте-

пень кандидата богословія, — большинствомъ одного голоса (7 противъ 6). 8) По § 81 лит. б п. 12 устава духовныхъ академій „присужденіе премій за ученые труды на предложенныя отъ академіи задачи“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта академіи, представляемыхъ на утверженіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи выдать: а) премію митрополита Литовскаго Іосифа—въ 165 рублей—окончившему въ минувшемъ учебномъ году курсъ кандидату академіи Александру *Покровскому* за кандидатское сочиненіе на тему: „Религія ветхозавѣтныхъ патріарховъ (періодъ допотопный)“; б) премію протоіерея А. П. Невоструева—въ 158 рублей — кандидату того-же выпуска Евгению *Воронцову* за сочиненіе на тему: „Ученіе о Лицѣ Господа Іисуса Христа въ посланіи Апостола Павла къ Евреямъ“; в) премію протоіерея А. М. Иванцова-Платонова—въ 207 рублей 50 коп.—кандидату того же выпуска Николаю *Николину* за сочиненіе на тему: „Исторія символовъ Никейскаго и Константинопольскаго“; г) премію протоіерея С. К. Смирнова въ 95 рублей—кандидату того же выпуска Леониду *Колтыгину* за сочиненіе на тему: „Слѣды церковнаго вліянія въ юридическихъ понятіяхъ и обычаяхъ русскаго народа“; д) премію Преосвященнаго Димитрія, Епископа Тверскаго и Кашинскаго—въ 76 рублей—кандидату того же выпуска Борису *Забавину* за сочиненіе на тему: „Фефилакть Лопатичскій, Архіепископъ Тверскій“ и е) премію протоіерея І. Орлова—въ 32 рубля—за лучшіе успѣхи въ сочиненіи проповѣдей (въ виду присужденія кандидату Воронцову преміи протоіерея А. П. Невоструева) дѣйствительному студенту (нынѣ кандидату) того же выпуска Николаю *Преображенскому*.

На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „Дек. 30. Определенія о назначеніи премій утверждаются; прочее смотрѣно“.
